

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The man is shirtless, and the woman is wearing a black lace top. They are positioned in front of a window with vertical blinds, which cast strong, diagonal shadows across their bodies. The lighting is warm and dramatic, highlighting the contours of their faces and skin. The woman's hair is voluminous and styled. The overall mood is intimate and sensual.

ЛЕНА СОКОЛ

Скно
НАПРОТИВ

Лена Сокол
Окно напротив
Серия «Любовный
детектив/триллер», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36088925*

Л. Сокол. Окно напротив:

Аннотация

Марьяна даже не думала о любви, но судьба вдруг свела ее с интересным парнем.

Они провели вместе одно лето. Всего одно. Но оно перевернуло их жизни навсегда. Способна ли любовь выдержать тяжелые испытания и стоит ли она того, чтобы ждать?

Ответ найдется только через много лет, когда жизнь Марьяны вдруг перевернут загадочные убийства девушек, расследовать которые придется ее бывшему возлюбленному.

Содержание

1	5
2	25
3	35
4	48
5	63
6	71
7	85
8	94
9	101
10	107
11	119
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Лена Сокол

Окно напротив

© Лена Сокол

* * *

1

Ей не терпелось покончить с делами.

До конца многочасовой смены оставалось всего пятнадцать минут. Марьяна беспокойно поглядывала на часы. Время тянулось слишком долго и нудно, словно специально надсмехаясь над ней. Еще пара назначений, две подписи в карте больного, указания младшему персоналу, и она была, наконец, свободна.

Одеваясь, девушка молила об одном: пусть не случится ничего из ряда вон выходящего, пока она не переступит порог клиники. Ей бы только не опоздать на свидание.

Измученная длительным дежурством, она часто мечтала остановить время, чтобы вдоволь выспаться, отдохнуть, полежать в теплой ванне. Казалось, жизнь бежит по кругу подобно сумасшедшей карусели, и если не поспевать за ней в нужном темпе, обязательно слетишь со своей лошади. Тогда бег продолжится, но уже без тебя.

Всякий раз, возвращаясь с работы, Марьяна хотела все бросить и взять хотя бы недельный отпуск, чтобы прийти в себя. Но даже два выходных подряд для нее становились каторгой. Сериалы ее не интересовали, походы по магазинам вызывали тоску, кухня и уборка приводили в уныние. И тогда она готова была биться головой о стену, лишь бы поскорее вернуться в клинику. В настоящую жизнь. К живым лю-

дям. Туда, где она хоть кому-то была нужна.

За порогом больницы царила непроглядная темень. Молчаливая улица пугала своей тишиной, и лишь свет окон близлежащих многоэтажек напоминал о том, что город жив и вполне себе счастливо проводит вечер. Девушка добежала до стоянки, кутаясь в лохматую зеленую шубу, и застыла напротив своего маленького зеленого «Ниссана». Он снизу доверху был покрыт толстой коркой льда, словно фисташковое мороженое в прозрачной глазури.

И как она могла забыть, что автозапуск вчера накрылся! Блин! Придется теперь сидеть в адски холодном салоне машины, ожидая, пока она достаточно прогреется. Марьяна открыла дверь, включила зажигание и, вооружившись щеткой, снова вылезла наружу.

Ярко-малиновая вязаная шапка-колпак еле сдерживала натиск ее рвавшихся наружу рыжих кудряшек. В ансамбле с зеленой шубой и серыми спортивными сапогами на шнуровке они создавали образ скорее фрика, чем уважаемого доктора. Но она и так жертвовала слишком многим, на целую смену облачаясь в строгий белый халат и удобные тапочки. Хотя бы в личной жизни можно было позволить сделать исключение.

Нарезав пару кругов вокруг мерно урчащего автомобиля, девушка решила не насиловать кузов и стекла щеткой. Все равно, пока само не оттает, ничем не поможешь. Она залезла внутрь, выдохнула на руки, пытаясь отогреть замерзшие

пальцы, и взглянула на свое отражение в зеркале заднего вида. В свете фонаря ее зеленые глаза казались почти бесцветными, фарфоровая кожа выглядела блее обычного.

«Не мешало бы подкраситься», – подумала она и улыбнулась сама себе. На лице отразилась лишь печальная ухмылка. На такие свидания не красятся. Можно даже не укладывать волосы, не брить ноги, не заморачиваться по поводу нарядов... И зубы можно тоже не чистить...

Это даже не свидание вслепую и не поход в кино. Это просто чужое свидание, которое может и вовсе не состояться. Но девушка жила надеждой. Ее не приглашали, но она все равно торопилась, ведь кроме этих встреч в жизни давно не происходило ничего примечательного.

Через пятнадцать минут, изнывая от нетерпения, Марьяна, наконец, выехала со стоянки. Ей пришлось ехать, сгорбившись, глядя лишь в маленький, оттаявший из подо льда, участок лобового стекла. Девушка подумала о том, что вся ее жизнь подобна этой проталине, через которую она смотрит на мир. Дом – работа. Работа – дом. И вроде бы хотелось вырваться, расширить горизонты. И сразу становилось страшно, ведь она уже успела отвыкнуть от внешнего мира.

Да, коллеги справлялись со стрессом и одиночеством, начиная встречаться с кем-то из клиники. Почти всегда это были не отношения, а скорее сношения. По-быстрому, скомканно, но страстно. Они делали это, закрывшись в комнате отдыха, процедурке или подсобке, подальше от посторонних

глаз. И так поступали многие, даже те, у кого была семья.

Взять хотя бы хирурга Одоевского. Он соблазнил не один десяток молодых ординаторов. Девушки были рады совмещать приятное с полезным. С одной стороны секс с привлекательным мужчиной в самом расцвете лет, с другой привилегии. Кому-то хотелось набить руку, ассистируя на сложных операциях, кому-то наоборот – пациентов попроще: совершил обход, побегал по поводу анализов и, не включая мозги, отправился отдыхать. А то и спать с более молодыми коллегами.

Одоевскому таким образом не приходилось содержать любовниц, водить их в рестораны или выделять время в плотном графике для горячих свиданий. Всё происходило, так сказать, не отходя от станка. Чрезвычайно удобно. Почти никаких обязательств, да он и не обещал никому из них ничего. Жена, встречая его после тяжелой смены, всегда радовалась, что благоверному некогда смотреть налево. И всем так было спокойнее.

Марьяна же предпочитала тратить свободное время на перекус. Все эти конфетки от благодарных пациентов, это очень хорошо, но колбасой не пахло. Молодые ординаторы в модных кроксах делали селфи для инстаграма с подписью «Жизнь в больнице» или обжимались друг с другом в укромном уголке. Так они использовали любой перерыв в работе. А она обычно бежала в буфет, чтобы успеть перехватить на ходу булку за чтением нового исследования от врачей с ми-

ровым именем. И часто не успевала доесть, отвлеченная экстренным вызовом.

И еще ей постоянно хотелось спать.

Припарковав машину на стоянке, девушка достала из бардачка хрустящий бумажный пакет. В нем лежал подарок. Она специально заехала перед сменой в магазин, торгующий товарами для туризма и рыбалки. Её руки дрожали от волнения, прижимая покупку к груди. Она вышла из машины и вдохнула морозный воздух. Это было похоже на сумасшествие. Марьяна и сама не могла объяснить себе, что толкает её на такие поступки.

Чистейшей воды безумие! Но этот мужчина за последние полгода превратился для нее в своего рода наркотик. Ей требовалась новая доза, сильнее и значительнее прежних. И предмет, лежащий в свертке, определенно должен был в этом помочь.

Осторожно, как утка, ступая по ледяному насту, девушка добралась до подъезда. Ей предстояло подняться на пятый этаж. Минувя лифт, она стремительно понеслась по ступенькам вверх. Преодолевая каждый новый пролет, она радостно выдыхала, предвкушая встречу.

Каким он будет сегодня? Страстным или нежным? Неважно. Лишь бы видеть силу его рук, хитрые искорки в глазах. Она почувствовала возбуждение и ускорила шаг, рискуя оступиться.

– Куда так спешишь? – удивилась соседка.

Та как раз поворачивала ключ в замочной скважине, когда Марьяна влетела на лестничную клетку.

На девушке из квартиры напротив была норковая шубка. Перчатки из нежной кожи умело подчеркивали красоту ее длинных пальцев, замшевые сапожки в тон светлых брюк делали ноги бесконечно длинными.

Марьяна охнула, оглядывая соседку. Да, Лиза олицетворяла собой чистое изящество, приправленное лишь каплей французских духов.

– Небось, на сериал опаздываешь? – усмехнулась она.

– Нет, – выдохнула девушка, прижимая к груди пакет с подарком.

– Почему не на лифте? – спросила Лиза, разглядывая упрямые рыжие кудряшки соседки, выбивающиеся из-под неоновомалиновой шапки. – Он вообще работает?

– Да, – пытаюсь отдышаться, ответила Марьяна и полезла в сумку за ключами.

– Что это у тебя? – поинтересовалась обладательница роскошной «завидуйте мне все» шубы, указывая на пакет.

– Да, ничего, – попыталась оправдаться девушка, видя, как хитро прищуривается собеседница, и закрыла пакет плечом. – Ерунда.

– Бинокль? – хихикнула Лиза. – На охоту что ли собрались?

Марьяна мысленно прокляла себя за то, что так плохо позаботилась об упаковке подарка.

– Вроде того, – выдавила растерянно она.

Наконец, ключ щелкнул в замке, дверь поддалась и открылась настежь. Девушка вошла внутрь и обернулась к соседке.

– Это здорово! – заметила та, удаляясь к лифту. – Значит, наконец-то нашелся тот мужчина, который вытащит тебя из твоей берлоги!

Марьяна решила ничего не отвечать и просто захлопнула дверь. Ей было не до Лизы с её расспросами.

Хрустящий пакет, укрывавший до этого загадочный предмет, упал к ее ногам. Да, в нем был бинокль. Она сжала его крепче в своих пальцах.

И ей даже самой себе было трудно признаться в том, зачем она собиралась его использовать. Только психически больные люди делают себе такие подарки, и девушка осознавала, что постепенно начинает сходить с ума. Этот мужчина, сам того не подозревая, становился центром её жизни.

Охваченная страшным нетерпением, она скинула шубу, сапоги и побежала к окну. Марьяна намеренно не включала свет. Так он её не заметит. Или они.

В окне напротив горел свет. Девушка заметила две фигуры. Да. Сегодня это будут они. Она уже не чувствовала ревности.

Опять притащил к себе какую-то потаскуху. Станет ли порядочная женщина отдаваться малознакомому мужчине на первом свидании? Нет. Хотя если речь идет о таком мужчине...

Глядя на его мускулы, Марьяна почувствовала острое желание. Она хотела бы сейчас оказаться на месте пышногрудой блондинки, грудь которой он покрывает своими жадными поцелуями. Настроив бинокль, девушка по привычке прижалась к стене с краю от окна, чтобы в доме напротив её не могли заметить. Им было не до неё: платье незнакомки полетело на пол вслед за рубашкой хозяина квартиры. Женщина осталась в одних чулках в сеточку. Мужчина лихорадочно сжал пальцами её упругие ягодицы.

«Какая пошлость, – подумала Марьяна, разглядывая сквозь линзы черные чулки гости, – куплю себе завтра такие же».

Впервые она заметила его полгода назад. Из этого самого окна в гостиной.

Девушка только купила эту квартиру и планировала полностью её переделать. Отлично вложив деньги, которые из-за плотного рабочего графика ей совершенно некогда было тратить, она с головой ударилась в ремонт. Ей хотелось воплотить все самые свои смелые идеи и украсить получившийся интерьер мамиными вязаными игрушками, глиняными фигурками и комнатными цветами.

Марьяне понравилась планировка нового жилища. Высокий потолок, просторная кухня и большое окно в пол. Ей показалось, что сидеть напротив него с чашечкой кофе в кресле-качалке было бы уютно. Она улыбнулась.

Документы были подписаны, впереди куча работы и куча планов. Ей всего тридцать четыре. Или уже. Не важно. Хрупкая и миниатюрная, она выглядела не старше практиканток из медучилища. При этом имела за плечами внушительный опыт работы и осязаемый багаж навыков в любовных неурядицах. Мари, как называл её когда-то в юности мальчишка, которого она любила, считала себя нестигаемой и трудолюбивой. Так оно и было: доктор Донских пахала как конь и не боялась одиночества, которое сулил подобный образ жизни.

Рабочие орудовали фомками и гвоздодерами, со скрипом вскрывая в коридоре старый паркет. В воздухе стояла серая пыль. Оценив глазами предстоящие расходы, Марьяна сложила листок, полученный от строителей, пополам и спрятала в карман. Было в ее мышлении что-то творческое, стоило ей только закрыть глаза, как она представляла будущий дизайн до мелочей. И это не могло стереть улыбку с ее лица.

Один из рабочих, ставивший выломанные деревянные квадратики возле стены, засмотрелся на хозяйку квартиры, чуть не обронив очередную плашку себе на ногу. Так она ему показалась хороша!

Девушка с задорными рыжими кудряшками в теплом удлиненном оранжевом пиджаке походила на сочный фрукт. Ему так и хотелось ее надкусить. А еще эта брошь, приколотая к воротнику. Пара молодых зеленых листочков на булавке. Ну, точно апельсинка!

Парень представил, что если подойти к ней ближе, то мож-

но, наверное, ощутить от её кожи терпкий запах цедры и сладковатый аромат корицы. Он удивился сам себе: «Надо же, как может женщина вызывать у меня такие ассоциации?»

Она, и правда, была похожа на взрыв в стакане с апельсиново-манговой самбукой, на янтарь, на танцующие искры костра в тихую полночь. Её алые губы на чистом личике правильной формы заставили его напрочь забыть о работе. Пареньку и в голову не могло прийти, что такая девушка может быть бесконечно одинока, поэтому он тряхнул головой, прогоняя прочь ненужные мысли и вернулся к работе.

Перед тем, как уйти, Марьяна подошла к окну.

Солнце взорвалось на миллион мельчайших отблесков, и они все рассыпались по улице. Сияли витрины магазинов, стекла машин, лица прохожих. Сияло всё вокруг, кроме её израненного сердца. Внутри было пусто и тягостно. И всё же, она не могла не отметить, что день выдался просто чудесный. Нет, восхитительный!

Скоро она будет любоваться этим видом каждое утро. От счастья она зажмурилась, подставляя солнцу дрожащие веки с длинными пушистыми ресницами. Лицо быстро нагрелось, появился легкий румянец. Девушка открыла глаза и отошла на шаг назад. Теперь лучи её ослепляли. Перед глазами расплывались круги.

Она прищурилась, разглядывая дом напротив. И кто придумал строить дома друг на друге, почти впритык?

Ох, уж эта плотная городская застройка! Из-за этой ма-

хины ей не было видно речку, только самый хвостик слева, петляющий и упирающийся в горизонт. Зато, должно быть, жителям этого дома открывался шикарный вид с обратной стороны. Э-эх.

Марьяна прикрыла лоб ладонью и бросила завистливый взгляд на строение. Новомодная высотка, похожая на органайзер для канцелярских принадлежностей. Четыре стеклянные башни, уходящие в небо, и соединенные между собой кирпичными стенами. Вдруг перед ней, в окне квартиры на пятом этаже, мелькнул мужчина. Показался и исчез. Через секунду появился вновь и застыл в странной позе. Она наклонилась на стекло, не отнимая руки ото лба. Незнакомец, одетый лишь в домашние брюки, жадно пил воду из бутылки. Его грудь вздымалась, как у атлета, пробежавшего длинную дистанцию.

Девушка замерла. Мысли о том, что лучше повесить на окна – тончайшую вуаль, шитье или жалюзи, сменились живым интересом к мужчине, от которого её отделяло каких-то полсотни метров.

Когда ремонт был окончен, и она, наконец, смогла переехать в новое жилище, интерес постепенно перерос в нечто большее. Марьяна стала замечать, что спешит после работы домой, словно бы её кто-то там ждал. Последний раз ей доводилось испытывать подобное чувство лет десять назад. Но это было так давно, что, казалось, в прошлой жизни.

Незнакомец возвращался домой не раньше восьми и почти никогда не задерживал до конца и без того прозрачные шторы. Мужчина вообще мало что замечал вокруг, точно был погружен в себя и постигал дзен. На вид около тридцати пяти лет. Всегда один. Всегда серьезен. Всегда с густой черной бородой.

По утрам он обычно устремлял сосредоточенный взгляд вниз, в толпу людей, спешащих по своим делам. И пил кофе стоя. В его позе чувствовались уверенность и сила. Девушка почти ощущала аромат молотых зерен, когда мысленно касалась его губ. Она с каждым днем всё больше фантазировала, и с помощью воображения наполняла собственную жизнь оттенками.

Через окно Марьяна могла видеть часть гостиной, кухню и маленький кусочек спальни в его квартире, но на тот момент её вполне это устраивало. Когда он надевал утром брюки и оборачивался в поисках рубашки, девушка непроизвольно скидывала руку, чтобы указать на неё пальцем. Они словно жили в одном пространстве, но в разных измерениях.

Иногда ей казалось, что он смотрит прямо на неё, тогда она пряталась за шторой и задерживала дыхание. Пару раз садилась на пол и сидела без движения, улыбаясь сама себе. А когда всё-таки находила силы подняться, готовая встретиться с ним глазами, выглядывала из своего убежища и обнаруживала, что его и след простыл.

Это походило на игру. Но было так забавно и необыч-

но. Марьяна часто проигрывала в воображении их возможные отношения. Вот, они познакомились, встречаются, стали ближе. Вот, прошло время, и их секс уже не такой захватывающий, как прежде, но они определенно стали ближе духовно, и пора переходить на следующий уровень... Короче, всё, как у всех... И тогда она радовалась, что не знакома с ним, ведь ожидание любви казалось ей чем-то более увлекательным, чем сама любовь.

Она даже поймала себя на том, что мысленно зовёт его Мишей. За сходство с медведем. Здоровенные плечи, мощные руки, сила удара которых способна сразить любого соперника.

Как бы она себя чувствовала в его объятиях? Наверное, нежной, тщедушной и абсолютно покорной. А если прижаться к горячей груди? Внутри бы всё затрепетало, безумный жар охватил её голову, губы, молящие о поцелуе, и неумолимо спустился бы вниз. От этих мыслей по спине бежали мурашки, ноги дрожали.

Утром она старалась просыпаться немного раньше, чтобы не пропустить момент, когда он встает с постели и мелькает в окне напротив в одних спортивных трусах-боксерах, вздыбленных спереди. Марьяна медленно выдыхала, держась за занавеску, и просила сердце не биться так громко. Ей хотелось отогнать подальше порочные мысли и усмирить воображение, которое рисует его тело в мельчайших деталях.

Днём Марьяна отвлекалась, представляя, кем бы он мог

работать. Каждый раз это были суровые мужские профессии. Один день незнакомец был рыболовом на большом морозильном траулере в открытом море. Восемь часов работал прямо на палубе в бригаде добычи: на нём был теплый костюм, каска, спасательный жилет и тяжелые резиновые перчатки. Готовился к постановке трал, вся команда трудилась без перерыва на обед. Холодный балтийский ветер хлестал Михаила по щекам, соленые капли пота сползали по вискам в бороду, превращаясь в колкие ледышки, но он упорно хватался за веревку и подтягивал на себя сети. К вечеру, когда всё было закончено, он отправлялся поеть, помыться и поспать, чтобы через восемь часов снова заступить на свой пост.

В следующий день мужчина был лесорубом, потом пожарным, шахтером, летчиком или дальнобойщиком. Её не смущало, что он уходил на работу в рубашке и брюках. В своем воображении она могла представлять его кем угодно.

Девушку не тяготило отсутствие рядом реального мужчины: она давно прошла стадии гнева, отчаяния, отрицания и остановилась на смирении. Не нужно бегать по сайтам знакомств, флиртовать с коллегами или мечтать о престарелом принце на хромом скакуне. Можно просто находиться в гармонии с самой собой, не забывая о правилах: никогда не говорить о своей личной жизни с окружающими, и, упаси Господь, рассказывать кому-то о своих фантазиях.

Почти полгода прекрасный незнакомец пребывал в состо-

нении перманентного одиночества. По выходным читал книги, работал за компьютером, смотрел телевизор или ездил на рыбалку. Это, конечно, было предположением, ведь она не видела у него удочек. Но долгие сборы, большие котомки, набитые доверху неведомой всячиной за его спиной, и радостная легкая походка говорили о том, что мужчина покидал квартиру, чтобы отдаться приятному мужскому хобби.

У Марьяны вскоре появилась еще одна новая привычка. Каждый раз засыпая, она представляла, как они разговаривают, гуляют вместе по аллее, усыпанной желтой листвой, держатся за руки и смеются в ответ на шутки друг друга. Она знала, что если обрисовать мысленно все детали разговора, прочувствовать прикосновения, кажущиеся почти реальными, то это оставит в подсознании такой осязаемый отпечаток, что она увидит его во сне. Не часто, но прием срабатывал. И в своих грезах девушка ощущала всё почти как наяву: там её Миша был живой и яркий. Они проживали свою историю, каждый раз отличную от предыдущей, и были счастливы. Марьяна просыпалась довольная и весь день находилась под впечатлением от этого сна.

В один из таких дней она прибежала с работы счастливая, убедилась, что незнакомец дома, ничем не занят, и, твердо решила, что пришла пора действовать. Девушка надела любимые фиолетовые брючки, зеленый свитерок из мягкой ангоры, взбила огненную шевелюру и подкрасила губы. Её решимости хватило бы даже на то, чтобы ворваться без стука и

признаться, что давно за ним наблюдает. Но, сбрызнув шею любимым ароматом с нотками грейпфрута и кипариса, она вдруг обернулась к окну и заметила в нем второй силуэт.

Марьяна от неожиданности выронила на пол флакончик с парфюмом и подошла ближе.

Это была женщина. Первый раз у него была женщина.

Тощая брюнетка, длинная как каланча, из тех, что ничего не жрут. Но уж если жрут, то непременно заключают договор с дьяволом, по которому все лишние калории уходят прямиком в грудь и попу. Изящно удерживая бокал за тонкую ножку, она восседала на краешке дивана и реагировала бурным смехом на каждую его фразу. А он казался уверенным и самодовольным.

Марьяна отошла к краю окна и молча наблюдала, как за пятнадцать минут незнакомец довел дело от шампанского на брудершафт до бурного секса на диване в гостиной при свете ламп. Девушка не чувствовала ревности или разочарования, она облегченно выдохнула от того, что ей так и не удалось наделать глупостей, и отправилась спать.

Брюнетка не продержалась долго, всего пару недель. На смену ей пришла блондинка, через месяц другая. Последняя пассия приходила к нему всего пару раз в неделю. Они общались без лишних разговоров, почти сразу к делу.

Марьяна не знала, что чувствует. Внутри всё смешалось. Ей лишь хотелось купить чертов бинокль, чтобы различать каждую чертову капельку пота на его спине, ритмично опу-

кающейся и поднимающейся над телом незнакомки.

И да, с таким прибором в руках девушка чувствовала себя почти агентом на службе у её Величества. Для полного набора не хватало лишь лицензии на убийство. Она опустила глаза и почувствовала удушливый укор своей совести. Это не нормально. Взрослой состоявшейся женщине шпионить за соседями, прятась в тени занавесок. Больше похоже на помешательство.

Она в отчаянии бросила бинокль на кровать и, не включая света, разделась. На спинку стула легла блузка, брючки, за ними вслед полетела малиновая шапка. Марьяна старалась не смотреть в сторону окна. В её душе рождалась ненависть к самой себе.

Завтра нужно будет рано вставать на работу. Её ждет долгий и тяжелый рабочий день.

Только не поворачивайся к окну.

Дрожащие пальцы выудили пачку сигарет из ящика стола. Щелкнула зажигалка. Она глубоко затянулась, зажмурив глаза. Вообще-то, доктор Донских не курила. Никто и никогда не замечал её с сигаретой на службе и вне стен больницы. Она считала, что у неё не было серьезной зависимости. Девушка бы легко прожила без этой плохой привычки до конца своих лет. Но однажды, когда ей вдруг пришла в голову идея завести кота или пару кошек, Марьяна поняла, что ей суждено состариться в одиночестве, и закурила.

Отношения с сигаретами были такими же не регулярными, как с мужчинами. Один раз в месяц или раз в полгода, три раза в день, и после снова тишина длиною почти в вечность. Она медленно выпустила облачко густого дыма в потолок и повернулась, чтобы приоткрыть форточку.

Свет в окне напротив больше не горел. Марьяна, не боясь быть замеченной, подошла вплотную и прижалась лбом к холодному стеклу. Пустую улицу освещал одинокий фонарь. В его свете плавно кружились редкие снежинки. Было так тихо и спокойно, словно глубокой ночью.

Она вздохнула. Почти всю комнату заполнили клубы табачного дыма. Девушка, закашлявшись, открыла створку. Ледяной воздух сразу обжёг её ноздри. Но дышать становилось легче. Зимний воздух успокаивал нервы. Она докурила, беспрестанно прокручивая в голове мысли о событиях своей жизни, и неутешительно покачала головой.

Вот и всё. Всё, что ей оставалось, это медленно сходить с ума ближайшие лет тридцать возле этого окна, пока тело не станет дряхлым, а мозги не превратятся в вязкий пудинг. На секунду в голове даже промелькнула мысль, а что если встать на подоконник и... того... вниз.

И ей стало смешно. До чего дожила. Она поёжилась и выпустила из рук окурки. Он медленно летел вниз, трепеща, словно бабочка крыльями. Зрелище завораживало.

Девушка усмехнулась: даже убогий обугленный фильтр был прекрасен в своём полете. Может, и её жалкое существо-

вание не так уж напрасно?

Нужно завести пепельницу, подумала она. Или впредь не покупать сигарет. Створка бесшумно закрылась, перекрывая доступ морозного воздуха. Девушка вздохнула и перевела взгляд на соседний дом.

В темном прямоугольнике окна отчетливо виднелись очертания женской спины.

– Сколько же можно надо мной издеваться, – прошептала Марьяна, хватаясь за штору.

Руки незнакомца прошли по спине блондинки и остановились на ягодицах. Марьяна взяла бинокль, чтобы убедиться, не показалось ли ей.

Нет. Так оно и было. Мужчина усадил свою гостью на подоконник.

Выдумщики. Бесстыдные выдумщики, будь они не ладны. Свет уличного фонаря предательски высвечивал даже татуировку на спине девушки. Это был что-то вытянутое, но даже через увеличительное стекло, не открывавшее ясно своих очертаний. Может, дракон? Или цветок?

Изображение размеренно покачивалось, то и дело, приклоняясь к стеклу. Девушка упирала широко расставленные руки в подоконник и выгибала шею. Волосы её струились по спине и качались из стороны в сторону. Наверное, она громко стонала. Но это мог слышать только хозяин квартиры. Ну, и все его соседи. Наверное.

Марьяна хотела отвернуться, но вместо этого лишь ото-

шла к краю окна и опустила бинокль. Ей становилось всё тяжелее дышать. Это больше походило на пытку.

Мужчина взял в охапку блондинку, спустил с подоконника и резким движением развернул лицом к окну. Навалившись сзади подобно большой черной тени, он принялся раскачивать её, ударяясь бедрами. Это заставило гостью наклониться и упереться рукой в стекло.

Марьяна видела, как колыхались ее пышные груди, и чувствовала дикое возбуждение. Ничего кроме возбуждения. И снова ненавидела себя за это. За то, что, несмотря на всю аморальность происходящего, все равно хотела бы оказаться на ее месте. Рот незнакомки искажился, обнажая зубы, и превратился в букву «о». Глаза её были закрыты, волосы тонкими прядями спадали на лицо. Сильные мужские руки скользнули по ее груди и остановились на шее. Сжали её.

Марьяна видела, как девушка тяжело выдохнула и, казалось, даже разглядела капельки влаги, осевшие на стекле. Две фигуры в окне напротив сплелись в экстазе, образуя тугой узел из разгоряченных страстью тел, и внезапно скрылись в тени комнаты.

Доктор Донских еще долго пыталась прийти в себя после увиденного.

Она узнала бы его фигуру из тысячи. Он изменился за эти годы, но лишь в лучшую сторону. Его плечи стали шире, походка увереннее, и даже волосы не тронула седина.

– Марьяна Викторовна, что случилось? – спросила ординатор Женя, удивленно разглядывая наставницу, вцепившуюся руками в ее халат.

– Не двигайся, – прошипела та, прячась за ее спиной.

– Вы не хотите, чтобы тот мужчина с цветами увидел вас?

– Стой, говорю, – выдавила Марьяна.

Удушливая жаркая волна охватила всё тело и поднялась к лицу. Она чувствовала, что румянец на её щеках уже заметен даже с Курильских островов.

– Кто он? – шепотом спросила Женя, с интересом разглядывая мужчину с букетом.

– Мой бывший муж, – сжав губы, ответила доктор.

Сергей Донских сомневался, показалось ему или нет. В десяти метрах от него о чем-то оживленно беседуя с молоденькой, совершенно растерянной, девушкой-медиком стояла его Мари. Это, несомненно, была она! Но что изменилось?

Внешне всё та же хрупкая барышня, фигура которой не изменилась с юности. Те же огненно-рыжие пружинки волос с красным отливом, аккуратный, слегка вздернутый носик,

тоненькие запястья. Пухлые губы правильной формы, – самые нежные, какие ему приходилось целовать. Но появился в её взгляде какой-то стальной блеск, словно бы это был отпечаток времени и обретенного опыта.

– Мари! – воскликнул он и спрятал за спину букет.

Ему казалось не приличным разговаривать с бывшей женой, держа в руках цветы для другой женщины. Когда-то их многое связывало, и сейчас они не были чужими друг для друга. Он переминался с ноги на ногу, волнуясь, словно подросток.

Чувство вины за их развод преследовало майора Донских все последние десять лет. Марьяна подняла глаза, наградила безразличным взглядом, отрывисто кивнула и направилась в его сторону.

«Ну, вот, она не рада меня видеть, – подумал он, – наверное, всё ещё злится».

– Привет, – тихо обронила Марьяна, преодолев расстояние, разделявшее их.

В её ушах зазвенело. Девушка жила надеждой, что больше никогда в своей жизни не увидится с ним, никогда больше не почувствует той боли, которую испытывала, теряя его. И вот, он стоит напротив. В смешном больничном халате. Сильный, возмужавший, подтянутый. Улыбается той же ослепительной улыбкой, которая украла сердце девочки-подростка, страшно представить, шестнадцать лет назад.

Вся броня, которой она обрастала последние годы, с трес-

ком начала осыпаться к ее ногам. Бам, бам, бам! Словно каменные блоки с грохотом разлетались на куски. Ей ужасно захотелось убежать и разреветься. Не хотелось признавать свою слабость.

Сотни раз прокручивая в голове их возможную встречу, Марьяна представляла себя холодной и отстраненной, но единственное, что ей немедленно захотелось сделать при взгляде на него – это прижаться крепко-крепко и никогда не отпускать.

– Привет, – Сергей и вправду казался обрадованным случайной встрече.

– Какими судьбами? – хриплым голосом спросила Марьяна, проклиная себя за малодушие.

Она уже знала ответ на свой вопрос. В его руке был букет, который предназначался не ей. Да и с чего бы вдруг спустя десять лет ему припереться к ней с цветами? Донских даже не знал, где она работает.

Несколько секунд прошло в тишине. Сергей подбирал слова. Еще минуту назад ему казалось, что он влюблен в девушку, лежащую в палате за его спиной. А теперь перед ним стоит та самая, которая с юности была для него светом. Была его миром, сама того не подозревая.

Была той, что поделила с ним свою боль и сама вскоре стала его болью.

– Проведать. Пациентку...

«Отлично. То, что нужно. Вот он и подобрал слова».

– Ясно, – стараясь не выглядеть огорченной, выдавила Марьяна.

Её пальцы, спрятанные в карманы халата, рисовали круги и причудливые завитушки. Это помогало скрыть нервный трепет. Но бордовые щеки выдавали её с головой.

– Ты про Беляеву? – тихо спросила она.

– Да, – Донских сглотнул.

Ему вдруг захотелось узнать про бывшую жену всё. Избавилась ли она от его фамилии, вышла ли замуж, как сложилась её жизнь. Он вдруг поймал себя на том, что занимавшие все его мысли в последние несколько дней напряженные отношения с Сашей Беляевой на секунду отошли на второй план.

– Здорово ей досталось, – сочувственно пробормотала Марьяна, пряча глаза. – Как уж ты её не уберег.

Сергей покраснел. Его глаза цвета горького шоколада заметно погрустнели. Не хотелось говорить с Марьяной о другой женщине. Она этого не заслуживала. Но теперь у каждого была своя дорога. И уже давно.

– Виноват.

– С ней всё хорошо, – вдруг попыталась успокоить она его. – Мне просто нужно убедиться, что кроме отека слизистой, нет ничего серьезного. Она проснется, осмотрю её еще раз.

– А если что-то серьезное? – выпалил он.

– Думаю, я бы заметила. – Марьяна вдруг почувствовала

укол ревности к человеку, с которым кроме фамилии её десять лет уже ничего не связывало. — Был у нас один мужчина. С подвывихом хрящей гортани. Всё хорошо, но всю оставшуюся жизнь шея хрустела. Помню его еще с интернатуры.

Глаза майора расширились от испуга.

— Хрустел?

— Будем надеяться, что твою девушку минует эта участь. — Марьяна достала руки из карманов и сцепила на груди. — Недели через две её голос восстановится. Следы на шее будут заживать немного дольше... Кто её так?

— Одна сумасшедшая, — он украдкой бросил взгляд на пальцы бывшей жены, проверяя, нет ли них обручального кольца.

Его не было.

— Тыпустишь меня к ней, когда она проснется?

Марьяна почувствовала, как её сердце опять разбивается на десятки мелких осколков.

— А разве ты не...

— Меня отстранили от этого дела. — Донских указал пальцем на мужчин, ожидавших возле окна. — Вот эти господа ожидают, чтобы уточнить у нее детали происшедшего.

Марьяна оглянулась и скользнула по ним безразличным взглядом.

— Я с ними еще не общалась. Только что иду с операции. Но ты ведь знаешь правила...

Сергей наклонился, оказавшись возле самого её уха. Де-

вушке всегда нравилось, что он был выше её на голову. Приятно было чувствовать себя крохотной и изящной.

Она почувствовала его запах, и сердце предательски затрепетало.

– Мне очень нужно туда попасть.

Он сказал это очень тихо. Почти не слышно.

– Хорошо, – нехотя, но сдалась она. – Как только она проснется. Я тебя позову.

– Как ты сама поживаешь? – вдруг спросил Сергей, часто моргая от смущения.

Марьяна прикусила губу.

Донских помнил все её привычки. Если она нервничала, могла за час изгрызть губы до мяса. Обычно он подносил руку к её губам, проводил по ним подушечками пальцев нежно и осторожно, гладил по щеке, пытаясь отвлечь девушку от дурного занятия. Но в этот раз был вынужден сдержаться.

– Всё... нормально, – её зеленые глаза печально сверкнули.

– Добрый день, – внезапно донеслось из-за спины.

Мужской голос. Приятный, но немного странный. Она сразу догадалась, в чем дело. Так обычно говорят люди, не слышащие своего голоса. Немного гнусаво, словно заложен нос.

Марьяна повернулась и увидела перед собой красивого русоволосого мужчину. Его светлые глаза излучали беспокойство, лицо украшала мужественная трехдневная щетина.

Красавец. Таким мощным плечам позавидовал бы любой пловец. Наверняка, спортсмен. В руках у него были чудесные белоснежные тюльпаны, небрежно обернутые в крафт-бумагу.

«Опять цветы, – подумала она, – и опять не мне».

– Вы лечащий врач Беляевой? – взволнованно спросил незнакомец.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы привести мысли в порядок.

– Да.

Парень казался не на шутку обеспокоенным.

– Как она?

– А вы собственно кто? – поправив рыжие кудряшки, поинтересовалась Марьяна и заметила, как слева от нее нервно затоптался на месте бывший благоверный.

– Я... – Светловолосый Аполлон задержался, прижимая к груди букет. – Она моя девушка.

Марьяна прочистила горло и вопросительно посмотрела на Сергея.

Донских мысленно обругал себя, на чем свет стоит. Он уже второй раз за какие-то несколько дней попадал в неловкую ситуацию, назвав Сашу своей девушкой. Потому что это действительно было его самым искренним желанием за последнее время. Ему хотелось, чтобы это было правдой.

Со времен своего развода следователь ни к кому так не привязывался, как к этой миниатюрной блондинке, лежав-

шей в палате за его спиной. Да, он отчетливо понимал, что Сашино сердце принадлежит другому. И она сделала свой выбор. Но с этим так трудно было примириться.

И сейчас, глядя на то, с каким интересом и его бывшая жена разглядывает заклятого соперника, он бесился еще больше. Сердился на собственное бессилие. Этот глухой парень раздражал его тем, что неминуемо каждым своим действием вызывал к себе уважение. На него невозможно было сердиться, его не хотелось убить... И следователь уже начинался сомневаться в себе. Какой надо быть тряпкой, чтобы подружиться со своим врагом?

– Марьяна Викторовна, – доктор протянула руку глухому парню.

– Алексей, – отозвался тот, прочитав сказанное по губам. Рукопожатие получилось осторожным и едва ощутимым. Незнакомец улыбнулся.

«Ох, и нелегко приходится пациентке Беляевой, – подумала Марьяна. – Выбирать из таких мужчин. Мне хотя бы одного такого...»

Её мысли вернулись к отважной девушке, пережившей сегодня нападение убийцы. Та спаслась буквально чудом. Нападавшая была её родственницей. Анамнез отягощенный – уже два трупа на её совести. Ребята со скорой сказали, что полицейские ворвались, когда сумасшедшая душила девушку цепью. Вспоминая черты лица блондинки, её природную привлекательность, мягкие светлые волосы и бездонные изу-

мрудные глаза, Марьяна понимала, что могло привлечь её бывшего мужа в пациентке Беляевой.

– Она отдыхает. Беспокоиться не о чем. – Доктор бросила грустный взгляд на Донских. – Сейчас мне нужно спуститься в приемное. Когда она проснется, мне доложат, и я вас к ней пушу.

Марьяна развернулась и собиралась уйти, как вдруг почувствовала, что Сергей крепко схватил её за руку. Прикосновение было горячим и пробуждало в памяти лучшие моменты, что им довелось пережить. Моменты, которое бы и хотелось забыть, но невозможно было навсегда стереть из памяти.

– Мы с тобой совсем не поговорили, – виновато произнес он.

– Еще увидимся, – надеясь на обратное, проронила она. – Очень много народа скопилось. Меня ждут.

Ей хотелось скорее удалиться подальше.

– Подождут, – с надеждой произнес Сергей, не отпуская ее руки.

Эта ситуация напомнила ей кое-что из прошлого. Он просил остаться, она так же оставляла его ради работы.

– Мне очень нужно. – Марьяна с усилием выдавила полуулыбку. – Ты же знаешь, только в больничной очереди бабушки-божьи одуванчики становятся безжалостными созданиями.

Она высвободила руку и пошла по коридору, не оборачи-

ваясь, еле сдерживая себя, чтобы не сорваться на бег. Он был так дорог ей! Он был так нужен.

Всегда был родным.

И когда успел стать настолько чужим?

Таким далеким...

Если бы она не знала его, вся жизнь сложилась бы по-другому.

Если бы она не знала его, не знала бы той боли, пережить которую можно лишь, переродившись. Умерев и воскреснув.

– Марьяна Викторовна, – за поворотом догнала её Женя.

Ординатор второго года, девушка с настоящим талантом, смекалкой, впитывающая всю информацию на лету. Единственная, кого доктор Донских хотела бы оставить работать в отделении. Сейчас она казалась ей назойливой мухой.

Марьяне не хотелось никому показывать своих слез.

– Почему её притащили ко мне в терапию?! – срывающимся голосом крикнула она своей подопечной и, спрятав руки в карманы, продолжила движение.

Девушка-ординатор догадалась, что речь идет о пациентке Беязовой, и потупила взор.

– Почему именно ко мне? – эхом разнеслось по лестничному маршу.

Это было ровно полгода назад. И словно вчера.

– То есть, Вы понимаете, что это не нормально?!

Мужчина даже не пытался сдерживаться. Он пришел, чтобы поставить всю больницу на уши, и делал это в лучшем виде. Дикий ор стоял на весь этаж. Однако присутствующие в кабинете медики продолжали сохранять хладнокровие. И его это жутко бесило.

Главврач с серьезным видом кивал в ответ на каждую реплику, терапевт Смоляков отчаянно зевал, а Марьяна Викторовна с безучастным видом ковырялась карандашом в стаканчике для канцелярских принадлежностей.

– Я всё понимаю, но так устроена система, – в который раз спокойным тоном ответил Роберт Эдгарович.

Невозмутимость главного врача клинической больницы приводила посетителя в состояние бешенства. Олегу Степановичу, старшему менеджеру строительного магазина, специально пришлось уволиться с работы на пару часов, чтобы накатать жалобу на бездушных медиков, которые заставили его престарелого отца мотаться по всему городу с анализами. Дедушка долго плутал в поисках лаборатории и в конце концов заблудился. Его весь вечер искали, но обнаружили только поздней ночью в состоянии шока на другом конце города.

Эту историю визитер повторил уже три раза и все еще сомневался, услышали ли его.

– Почему пожилой человек должен ехать сначала в областную больницу, чтобы получить с паспортом какие-то стекла с биопсией, а потом на другой конец города в Онкологию?! Он же старый, ничего не слышит!

– Олег Степанович, вы должны понять, что ваш вопрос не по адресу, – мягко и осторожно начал главврач.

– Это Вы не понимаете! – посетитель готов был с кулаками накинуться на медиков. – Я буду жаловаться в Министерство!

Роберту Эдгаровичу пришлось встать, чтобы плеснуть водички в стакан и протянуть мужчине.

– Успокойтесь, пожалуйста, – предельно уважительно обратился он к нему.

– Вам предъявляют претензии, а вы сидите тут с покерфейсом! Смотрите на меня. Безразлично. Вам же абсолютно наплевать на людей! Я этого так не оставлю! – воскликнул мужчина и достал из кармана телефон.

Марьяна медленно встала и поправила халат.

Ей ужасно надоели постоянные разборки. Что бы ни сделал врач, он всегда оказывался виноват. Что ни день, то обвинение в попытке кражи органов или в незнании своего дела. Все же грамотные стали: по интернету лечатся, сами себе диагнозы ставят, неизлечимые болезни находят. Девушке не хотелось тратить время на пустые разговоры, её ждали в «приёмнике» на первом этаже. Так все свои называли приемное отделение.

– Послушайте... – Она запнулась, пытаясь вспомнить имя посетителя. – Как Вас?

Мужчина от такой наглости, казалось, потерял способность двигаться и плюхнулся обратно на стул.

– Олег Степанович, – проговорил он.

Она кивнула.

– Олег Степанович, а почему я вас не знаю?

– В смысле?! – возмутился он.

– Ну, как же, – обескураживающе улыбнулась Марьяна, – я ведь вижу Вас первый раз. Не так ли?

– И что?

– А то, что Степаном Анатольевичем почти никто не интересовался, пока он лежал в отделении интенсивной терапии. По крайней мере, я никого не видела. Почти никто не навещал его и в отделении общей терапии, верно Илья Евгеньевич? – сказала она, обращаясь к Смолякову. Тот согласно кивнул. – А это длительный срок. Где все это время были вы?

Посетитель застыл с немым выражением лица.

– Вот видите. Когда у него обнаружили опухоль, мы дали направление в РНПЦ Онкологии, и именно вашей обязанностью было сопровождать его на каждом этапе. Ну, и поддерживать, тут уж по желанию. Ведь вы же сын. Поправьте, если я что-то напутала.

Мужчина молча заливался краской. Он явно подбирал нужные слова, намереваясь ответить также хлестко, но ничего не выходило.

Наступила полная тишина.

Роберт Эдгарович усмехнулся, глядя себе под ноги.

– Я, пожалуй, пойду, – вымученно улыбнулась девушка, выждала пару секунд и скрылась за дверью.

Она всего лишь на минуту задержалась возле окна, чтобы дать выход эмоциям. Снежинки проносились мимо, совершая в воздухе плавные обороты, словно вальсируя. Марьяна зажмурила глаза, пытаясь сдержать слезы. Работа, пациенты, благодарные родственники – всё это почему-то не спасало её от осознания собственной никчемности. Отчего раньше было проще жить, зная, что никто не ждет тебя дома? А сейчас так противно. Хоть головой о стену бейся. А когда перед глазами вставала эта парочка в окне, то невыносимость одиночества ощущалась еще острее.

– Открытая черепно-мозговая! – донеслось за её спиной.

Марьяна повернулась и увидела пытающуюся отдышаться Женю. Девушка направлялась к ней, держа наперевес огромную кипу бумаг. За толстыми стеклами её очков прятались большие голубые глаза. Доверчивые и добрые. Также этого ординатора отличал пытливый ум и редкая способность отмечать, казалось бы, самые неприметные детали.

Марьяна отвернулась к окну, пытаясь незаметно смахнуть слезу. Она даже и не слышала, что в кармане разрывается трезвонящий пейджер.

Женя остановилась позади наставницы. Она заметила, что

последние полгода сильно изменили доктора Донских. Она и раньше была серьезна, сосредоточена, но с той самой встречи с бывшим мужем, почти перестала улыбаться. Даже в перерывах. А Евгении очень хотелось учиться чему-то новому. Ей хотелось бы остаться работать в интенсивном и уже начало беспокоить, отчего наставница в последнее время так плохо идет на контакт.

– Девушка, двадцать – двадцать пять лет. Скорая уже подъезжает.

– Иду, – выдавила Марьяна, ожидая, что Женя уйдет.

Но та не двигалась с места.

– Пошли, – бросила доктор Донских, резко развернувшись на месте, и зашагала к лифту. – Занеси ты эти бумаги в ординаторскую, что ты с ними носишься!

– Хорошо, – почти шепотом произнесла Женя и побежала к лестнице.

В приемнике на удивление было шумно. Марьяна ускорила шаг. В коридоре о чем-то оживленно спорили.

Свои. Посторонних не было. Поодаль виднелась каталка с телом.

– Что происходит? – гневно выкрикнула она, разгоняя толпу.

– Труп, – проямлила старшая медицинская сестра.

Фельдшер скорой протянула ей бумагу. Марьяна сложила руки на груди, даже не глянув на неё.

– Что значит труп?

– То и значит, – женщина сама выглядела растерянной.

– Зачем мне ваш труп?! – возмутилась доктор Донских. –

Я его принимать не собираюсь!

– Она умерла здесь.

– Кто проводил реанимационные мероприятия?!

Все молчали, с испугом оглядывая друг друга.

– Мы, – ответил мужчина в синей спецовке, застегнутой до подбородка.

Это был Володя. Лицо Марьяны немного смягчилось. Они были знакомы много лет, еще со времен ординатуры, когда она подрабатывала в скорой по выходным. Шутник и балагур, Владимир Брагин, был отличным врачом, и многому научил её. Будучи старше на десять лет, он испытывал совсем не отеческие чувства к доктору Донских и однажды даже признавался в любви. Но она была влюблена скорее в его знаменитые байки, с удовольствием принимала дружбу, но не более того.

– Володь, ты знаешь правила, – твердо заявила она, подойдя к нему вплотную.

– Ты тоже, – спокойно ответил он, взял ее под локоть и повел за собой. – Мы пересекли порог этой двери? Да. И она скончалась здесь.

– Кто-то из наших к ней прикасался?

– Марьяш, она умерла здесь.

– Я не намерена её принимать. Ты знаешь, что трупы сюда

не привозят.

Они подошли к каталке. У Марьяны перехватило дыхание. Голова девушки напоминала месиво из кожи, крови и мозгов, капающих на пол. Светлые крашенные волосы, перепачканные красным, разметались по плечам. Умершая лежала без единого движения в тоненьком платье, сапогах и колготках в сеточку.

– Ментов вызвали? – хватаясь за рукав Володиной куртки, прошептала Марьяна, чувствуя, как холодеют ноги.

– Да.

Доктор Донских видала и не такое. Вид крови и даже растекающегося по полу содержимого черепной коробки её бы не смутил. Просто ей показалась очень знакомой одежда пострадавшей. Она была почти уверена в том, что девушка на каталке и ночная гостья из окна напротив – одно и то же лицо.

– Давай-ка, подышим, – сказал Володя, накинув на нее свою куртку и вытолкнув в холодный тамбур.

Вообще, мужчины с гордым именем Владимир, позволявшие называть себя Володей всегда вызывали у неё недоверие. Но Брагину она охотно делала скидку. Он был вылитым Володькой.

Странная стрижка, явно собственного авторства (если нет, то однорукого подслеповатого карлика, хоть и стоящего на табуретке, но все равно не достающего до макушки

клиента), густые с проседью усы а-ля Боярский и старинный свитер с высоким горлом, связанный заботливой бабушкой еще в девяностые. Голос Володи на удивление был зычным и раскатистым, словно кто-то перетряхивал железный таз с камнями. И это придавало образу брутальности, заставляя забывать о прическе.

Брагин был высоким, длинноносым, подтянутым мужчиной. Марьяне нравилось наблюдать за ним, когда он рассказывал очередную из своих историй о работе на скоряке. Когда его губы красивой формы с аккуратной галочкой наверху растягивались в улыбке, она забывала все свои проблемы.

Это было настоящее приятельство. Никаких отношений вне службы, у них даже не было номеров друг друга. Но перекинуться парой фраз, если выпадала возможность, они старались всегда.

– Где вы её нашли? – спросила Марьяна, совсем не чувствуя холода.

Володя бросил на скамеечку свои перчатки и усадил на них девушку.

– В сквере на Лесной. Мы даже удивились, когда обнаружили пульс.

– Мне нужно осмотреть её.

Брагин устало достал из кармана новую пачку, вынул из нее одну сигарету и прикурил. Его руки были грубыми и шершавыми, словно у старика.

– Это не твои заботы.

– Мне кажется, я могла знать её.

– Откуда?

Марьяна перевела взгляд на свои кеды. Ей было стыдно в этом признаваться.

– Видела пару раз.

– При ней нет ни сумочки, ни документов. Тебе стоит поговорить с кем-то из органов. – Володя заглянул в узкое окошечко, вмонтированное в дверь. Ему даже не пришлось для этого вставать на цыпочки. Его лицо тотчас усмешливо вытянулось. – Сейчас его вырвет.

– Кого? – спросила Марьяна, пряча нос под воротник.

– Твоего Димасика.

Она сразу поняла, о ком идет речь. Дима был ординатором первого года. Смоляков потратил с ним кучу нервов и, наконец, передал ей, как списанный ненужный хлам. Парень был неглупым, достаточно сообразительным, но везде норовил влезть со своими советами, забывая порой о том, что разговаривает с более опытными товарищами.

Медсестры, утомленные его неумным энтузиазмом, считали Димасика лишней головной болью для своего отделения. Он каждый день пытался привнести в лечебный процесс какие-то новые веяния. Такие привычки распространены среди ординаторов, вчерашних выпускников ВУЗов, но обычно быстро проходят.

Чтобы влиться в коллектив, ординаторам приходилось принимать правила игры. Но Дима Филатов был не из тех,

кто так легко сдавался. Медсестры каждый день жаловались, что все дополнительные назначения, методы исследования и манипуляции, предложенные им, были для них лишней нагрузкой.

А его сотоварищи пошли еще дальше. Они дали парню прозвище – Доктор Вазелин. Нет, это не то, что Вы подумали. Ходили легенды, что он натурал, просто Дима начал всех больных без разбору поить вазелиновым маслом. Лечение у него было такое! Запоры, непроходимости, послеоперационный неудобняк – всё лечила капля вазелина.

Вот и пришлось Марьяне забрать себе бедного парня и следить за ним постоянно, проверять на каждом шагу. Опять же, прятать временами мази и бутылёчки с его любимым маслом на основе парафина...

Её талант заключался в том, что она находила в таких отвергнутых ребятах определенные склонности в разных областях медицины, скрытые таланты и вытаскивала их наружу. Помогала поверить в себя. Многие ломались, понимая, что сложность профессии ничем не окупается, ведь провести целый день на ногах, спасая жизни, и получить за это копейки, не просто не справедливо, но и адски тяжело.

Она всегда находила нужные слова, чтобы не дать подопечным замкнуться в себе. Подталкивала их в нужном направлении в поисках своего Призвания. Учила держаться в ответ на хамство, делать свое дело на совесть и всегда настойчиво докапываться до истины. Министерство все время

что-то урезало, отбирало, систематизировало, но видя, что сделано всё, что только было возможно, доктор Донских всё-таки получала некий кайф от проделанной работы.

– Его не вырвет.

– На что спорим? – выпустив дым, засмеялся Володька.

– Я в него верю.

– Да он бледный как мел! И все равно стоит, пялится на неё.

От напоминания о мертвой девушке Марьяну зазнобило.

– Это его работа, пусть разглядывает.

– Он уже моих девчонок расспрашивает, бумаги тискает, вот черт костлявый!

– Думаю, из него выйдет хороший реаниматолог.

Брагин вопросительно уставился на неё.

– Из этого нытика?

– Вот увидишь.

Володя снова рассмеялся, заглядывая в окно.

– Посмотри, я отсюда вижу, что у него руки трясутся.

– Это пройдет.

– А еще он жутко занудный.

– Ему просто нужно во всем докопаться до сути.

– Ох, Марьяш, тебе бы в воспитатели! Там малышне всё прощается. А здесь совсем другое дело.

Она откинула со лба прядь непослушных рыжих кудряшек и печально улыбнулась.

– Мы все хоть раз, но кого-то убивали. Разве нет? Пусть

даже не своими руками.

Брагин присел возле нее на корточки. Он всегда восхищался умом и профессиональными способностями этой хрупкой женщины, и не мог не заметить, что в последнее время она выглядела грустной и уставшей.

– Это не значит, что можно совершать ошибки.

Марьяна кивнула:

– Это значит, что приходится учиться жить с этой болью.

Они смотрели друг на друга, и каждый думал о своём.

В просторном тамбуре перед входом в приемное отделение весь воздух перемешался с табачным дымом. С одной стороны – двери, за которыми смерть, с другой – реальная жизнь. И Марьяне казалось, что вот тут-то она и застряла, где-то посередине.

– Иди, пиши, – прошептала она Володе.

Он благодарно кивнул и приподнялся.

– А потом поеду на свои квесты.

– Какие еще квесты?

– Ха! Попробуй на вызове в настоящем бомжатнике найти алкаша среди хлама и тряпок! Настоящий квест!

Марьяна невольно рассмеялась.

– Вот ты о чем...

– Случай сегодня был! Просто шикарный. – Брагин выбросил окурок в банку, стоявшую в углу, и взялся за ручку двери. – Поступил вызов: падение с третьего этажа.

– Ух ты...

– Приехали. А там пьяный престарелый Ромео выяснял отношения с не в меру обиженной и не совсем трезвой Джульеттой. Решив, что он человек-паук, или, может, Тарзан, дедуля полез с балкона в окно. Ну, и как в лучших традициях жанра, навернулся! По пути собрал все ветки и напоролся на острый сук.

– Ой, – испуганно усмехнулась Марьяна, приподнимаясь со скамейки.

– Брюхо распорото от мечевидного отростка до лобка. Не пузо, а просто загляденье какое-то! Я гляжу: кишки по всему дереву, как гирлянда новогодняя, только звезды на вершине не хватает.

– Господи... – прошептала девушка, мысленно прикидывая в голове фронт работ с таким пациентом.

– Штопает его Одоевский, наверное, до сих пор.

– Ужас.

– Зачем, говорю, полез? Отвечает: люблю её, козу такую!

Володя открыл перед Марьяной дверь и пропустил внутрь.

– Романтика, – снимая куртку, мечтательно прошептала она.

Мне было всего семнадцать лет, когда я увидела его в первый раз.

Это было как в сказке про Красную шапочку, ей Богу. Мама дала мне трехлитровую банку и послала за молоком. Нужный дом располагался в трех кварталах от нашего трехэтажного барака, возле самой реки.

Окраина города. Мы звали её деревней. В те года у нас не было сотовых телефонов, мы вообще не знали, что это такое. Нашими развлечениями были книги и прогулки с друзьями. Я практически всё своё время посвящала учебе и маме. И мне было этого достаточно.

Отправившись по её просьбе за парным молоком, я обошла весь наш район и свернула к лесу. То лето выдалось очень жарким. Солнце пробивалось даже сквозь густые ветви сосен и растекалось по траве, словно вязкая гуашь по бумаге. Всё моё лицо еще с весны обсыпало гадкими веснушками. Приходилось прятаться в тени деревьев, пробивая себе путь сквозь кустарники.

Тетя Нина жила на крайней улице, что тянулась вдоль обрыва. Громко сказано, конечно. Вовсе и не обрыв, а так, крутой склон на берегу маленькой речки Татьянки, что на тринадцать километров раскинулась по территории нашего края.

Дом тети Нины был большим, так мне помнилось с детства, но почему-то ничего подобного не попадалось на глаза по пути. Я спустилась ниже, к реке, чтобы оттуда охватить взглядом всю улицу, и случайно наткнулась на тропинку, проходившую по самому краю обрыва. Удивительно, но почему-то тропинка с обеих сторон была густо усеяна цветами. Бессмертником. Таким же огненно-рыжим, как моя шевелюра. Будь она не ладна!

Мама не уставала твердить, как ей нравятся наши с сестрой волосы, но для меня это был суший ад. Едва встаешь с подушки утром, за тобой поднимается ведьминская метла, рыжая и пушистая. И она – часть твоей головы. Совершенно неужённая, дикая копна, нет – грива!

Я шурилась от солнечных лучей и осторожно топала вперед по этой тропинке. Речка словно застыла, погруженная в свое одиночество, деревья же, наоборот, звонко грохотали, покачиваясь на ветру.

Идиллия.

А тут я со своей банкой.

И еще этот гараж.

Слева от меня, между лесом и речкой, в высокой траве спряталась старая ржавая металлическая коробка. Я удивилась, увидев подобное на своем пути. Может, его сослали сюда из страны гаражей? Знаете, как бывает: рождается маленький некрасивый гараж, его, хрясь, и скидывают со скалы. Ну, или отправляют в ссылку, на край города. Безумная

же идея. Поставить на край обрыва сооружение, куда и машина то не заедет никогда. Зачем тогда он нужен? Не картошку же в нем хранить?

Полусгнившие двери железной коробки были открыты настежь, и я продолжила свой путь, опасливо оглядываясь. Он сидел внутри. Прямо на полу, на куче старых тряпок. Весь перемазанный мазутом, перебирал какие-то железяки. Парнишке на вид было лет восемнадцать или около того. Рядом стоял полуразобранный мотоцикл с красным бензобаком, на котором значилось «Иж».

Парень даже не шевельнулся, видимо, не заметил меня. Пытаясь избежать случайной встречи взглядами, я отвернулась и быстро пошла по тропинке дальше. Наконец, мне удалось найти дом тети Нины. Он больше не казался мне огромным. Женщина лениво забрала мою банку и вынесла взамен другую, наполненную ароматным теплым молоком до краев. Закрыв её крышкой, она передала мне в руки.

Поблагодарив, я пошла обратно, решив зачем-то вновь пройти по чудесной тропинке. Банка в холщовой сумке казалась мне непосильной ношей. Ужасно тяжелая, камнем она тянула меня вниз. Тощие ноги в рваных кедах подкашивались. Пару раз хотелось сесть на пенек, съесть пирожок. И было жалко, что в кармане не припасена краюха черного хлеба на такой случай. С молочком бы самое оно. Но я упрямо шла дальше, стиснув зубы.

Помню этот момент как в замедленной перемотке. Он си-

дел на прежнем месте и с интересом разглядывал меня. Мне стало неловко: похоже, всю дорогу, пока я корчилась с этой банкой, парнишка наблюдал за моими мучениями. Его лицо было таким открытым, живым, что мне вдруг захотелось улыбнуться в ответ.

Я замедлила движение, не упуская случая, чтобы оглядеть его: черноволосый, худой, с всклокоченными волосами, торчащими в разные стороны. И глазами – темными, казавшимися почти черными с легким оттенком горького шоколада. Он смотрел на меня, замерев. В его руке всё ещё болтались странные железяки.

Я шла медленно. Расстояние между нами всё сокращалось.

И, наконец, мы поравнялись.

Еще секунда, и мне показалось, что тело растворяется в туманной дымке, наполнившей воздух и окутавшей это странное место. Дыхание перехватило. Ресницы парнишки были такими длинными и пушистыми, что, когда он моргнул, я... потеряла равновесие и со всей дури хлопнулась с обрыва.

Лечу. Нет, ладно, – падаю.

Я совсем не планировала сегодня падать куда-либо, а иначе непременно надела бы шорты вместо коротенькой желтой юбки. Но так уж случилось.

Не упуская из головы мыслей о злосчастной банке, я ку-

барем летела вниз, собирая по пути все мыслимые и не мыслимые кочки, листики, ветки, пересчитывая ребрами все выступы. Пока, наконец, падение не прекратилось. Я собрала волю в кулак и открыла глаза.

Первым делом заметила небо: безбрежное, тихое и прозрачное, словно гладь океана. Оно было бесконечным и пронзительно чистым. Окутывало всё вокруг. И я почувствовала облегчение от того, что могу видеть такую красоту своими глазами. Такое чувство легкости, будто умылся святой водой.

Услышав позади торопливые шаги, я поспешила сесть и тут же почувствовала головокружение. Мне повезло распластаться на берегу, возле самой кромки воды. Песок был горячим и плотным. Левая нога и обе руки ужасно ныли. Из разодранной коленки сочилась кровь. И как меня так угораздило? Вот позорище.

Банка же не разбилась, наоборот, продолжала своё движение. Она неспешно катилась к реке, создавая внутри себя пенное молочное цунами. Парень обогнул меня, спустившись, и ловко подхватил её почти у самой кромки воды. Меня тут же с головой накрыло облако пыли, поднятой его ногами.

– Ого, – замер он, вглядываясь в рану на моей тощей коленке, – сейчас принесу аптечку.

Он убежал наверх с моей банкой, а я так и осталась сидеть на песке, разглядывая свои конечности в поисках новых ца-

рапин и синяков. Белокожим всегда больше всех достается: стоит надавить пальцем, след от прикосновения превращается в синий ядерный гриб, которым потом противно желтеет и не сходит до скончания веков. А тут такое мощное падение! Я пребывала в ужасе. Так опозориться перед красавчиком-незнакомцем...

Может, еще получится сделать вид, что всё так и было задумано?

– Хорошо, что водителей заставляют возить с собой повсюду эти дурацкие аптечки. – Донеслось из-за спины. – Я уж думал, она никогда мне не пригодится!

Его голос был приятным и звучал мелодично, как неторопливый перебор на гитарных струнах. Я постаралась принять непринужденную позу, словно падать с обрывов для меня было обычным делом. От реки тянуло прохладой.

– В следующий раз, если решишь покончить с собой, знай, что в этом деле есть самые элементарные правила. – Парень открыл аптечку и внимательно посмотрел на меня. – Во-первых, не должно быть свидетелей. Они всегда мешают. Во-вторых, тяжести нужно не в руках тащить, а привязывать к шее. Так точно будет эффективнее.

Я молча таращилась на него. Вот это глазища! Японский комсомол! Такие неплохо было бы прятать под темными очками, чтобы не смущать окружающих.

– Немая что ли? – улыбнулся он и полез в коробку за йодом.

Как удар под дых. Самая сияющая улыбка из тех, что доводилось видеть. Такой запросто можно даже ослепить человека.

Мне хотелось ответить что-нибудь умное, но звуки предательски застыли у меня в горле. И я предпочла молчать дальше. Тоненькая струйка крови стекала по моей ноге. Да уж, угораздило. Коленка была разодрана в хлам. Видимо, напоролась на что-то острое.

– Вот так, – проговорил он, прикладывая кусочек ваты, смоченной в растворе йода, к краю раны.

Черными мазутными пальцами мой спасатель держал её таким образом, чтобы коленки касалась только чистая сторона. В области повреждения неприятно защипало, и я инстинктивно дернулась всем телом. Парень наклонился к моим ногам и осторожно подул на рану.

Я замерла, чувствуя, как покрываюсь ярким румянцем. Пришлось перевести взгляд на реку и стиснуть зубы. Вокруг было тихо, и лишь ссохшиеся сосновые стволы печально поскрипывали над нашими головами.

Я чувствовала на себе его взгляд.

– Ты молодец, – наконец, сказал он, – вытерпела, ни разу не пикнув. Из тебя вышел бы хороший медик.

Я повернулась и уставилась на него.

– Ты почти угадал...

Черт возьми! Наконец-то, из меня вырвалась первая фраза! Парень оценивающе хмыкнул.

– Да?

Я кивнула.

– Учусь в медучилище.

– Да ну, – рассмеялся он, изучая глазами мою огненную гриву.

Мне захотелось провалиться сквозь землю от смущения. Он смотрел так, словно перед ним была не девчонка, а курица без головы, отчаянно носившаяся по кругу.

– Да, – подтвердила я, – осенью буду уже на третьем курсе.

– Тебе на вид не больше пятнадцати!

– Вовсе нет, – я выпрямилась, задрав нос кверху, – мне семнадцать!

– Серега, – протянул он мне руку, испачканную всеми оттенками черного.

– Прям так и Серега?

– Да.

– Может, Сережа?

– Еще чего, – возмутился парень. – Может, кто и Сережа, но точно не я.

– Ну, ладно, – кивнула я, – Серега так Серега. А я Марьяна.

Я вложила свою руку в его и как следует встряхнула. Вот это рукопожатие. Его ладонь тотчас отпечаталась на моей.

– Марьяна – это Марианна? – задумчиво спросил он, заметив, что я разглядываю грязь на своей ладошке.

– Еще чего, – скривилась я. – Может, кто и Марианна, но

точно не я.

– Буду звать тебя Мари, – добродушно улыбнулся он, – тебе больше подходит.

– Ты не спросил, согласна ли я.

– Я вижу по глазам, что согласна.

Не выдержав его взгляда, я рассмеялась.

– В медучилище, значит. А почему ты не поехала в город? Там. Университет, большие возможности. – Мой новый знакомый опустил глаза и принялся выводить на моей коленке причудливые узоры ваткой, смоченной в растворе йода.

Сам того не подозревая, он затронул волновавшую меня тему.

– Не думаю, что должна обсуждать это с первым встречным.

– Мы ведь вроде с тобой уже познакомились...

Я смущенно уставилась на ноги и закусил губу. На моей коленке уже красовался узор из нарисованных йодом витиеватого стебля, листьев и нежных лепестков. Тонкие пальцы парнишки сумели не только изобразить прекрасный цветок на коже, но словно и вдохнули в него жизнь. Похоже, у него был настоящий талант к рисованию.

Сергея сидел так близко, что я почувствовала даже запах мыла, исходивший от его кожи. Или может это был шампунь? Очень приятный аромат. Тонкий. Всё это вперемиш-ку с парами солярки создавало довольно экзотический кок-

тейль, но и не отталкивало. Он сидел всего в нескольких сантиметрах от меня. И в первый раз в жизни меня охватила безумная мысль: парень ужасно привлекательный.

Странное чувство. Мальчишки никогда не заглядывались на меня, и я не считала нужным обращать на них внимание. Мой мир ограничивался общением с мамой и сестрой, нашей уютной квартиркой в старом бараке и редкими прогулками. С чего это вдруг моему мозгу так предательски сигнализировать о том, что рядом находится кто-то симпатичный? Зачем наталкивать глаза, словно дикие волны на могучие валуны, на эти испачканные руки со смешными длинными пальцами?

Мысленно я призвала свой разум к успокоению. Ответа не получила.

– Моя сестра учится в городе, – пришлось признаться мне, – если и я уеду, то мама останется совершенно одна.

Сергея с задумчивым видом спрятал грязную ватку в карман джинсов и подошел к краю речки, чтобы ополоснуть руки. Вода в Татьянке всегда бывала теплее, чем в ледяной Волге, что притягивало в эти места с ранней весны и до поздней осени толпы отдыхающих на машинах. Но именно здесь, недалеко от дома тети Нины, почему-то было непривычно пустынно. Возможно, на данном отрезке реки всех городских отпугивала крутизна ее берегов.

Воспользовавшись моментом, я отдернула юбку и попыталась встать.

– Наверное, у вас с мамой какие-то особые отношения? – предположил он, стряхивая прохладные капли с ладоней. – Мои родители мечтают от меня избавиться поскорее.

– Такие же, как у всех, – ответила я и, преодолевая боль, стиснула зубы.

Коленка ныла. Боль в плече отдавалась звоном в ушах.

Я сделала осторожный шаг. Серега тут же подскочил ко мне и заботливо подхватил под локоть. Сердце сжалось и рухнуло вниз. Никто прежде не касался моей руки. Из представителей мужского пола. Тем более так бесцеремонно. Я не знала, как реагировать, и просто замерла.

Это прикосновение обжигало сильнее раскаленной каменки, но высвободиться почему-то совсем не хотелось.

– Ты далеко живешь?

Он встряхнул волосы, запустив в них всю пятерню, щедро измазанную мазутом, который уже вряд ли когда-то смывался до конца, особенно из-под ногтей.

– А что? – смутилась я, покорно опираясь на его локоть.

– Кто-то же должен донести банку, она тяжелее тебя раз в пять!

Мои глаза снова испуганно принялись разглядывать песчинки под ногами.

– Я сама...

– Конечно!

Парнишка рассмеялся и осторожно подтолкнул меня к крутому склону, усеянному высокой, высохшей на солнце,

травой и колючими кустами шиповника.

Мне стало не по себе от одной только мысли, что он собирается паяться на мой костлявый зад, пока я буду пыхтеть, хватаясь за ветки и взбираясь наверх. Но не успела я открыто воспротивиться, как он нежно положил ладонь на мою поясницу, чуть выше копчика, и настойчиво, с легким нажимом, направил меня вверх по тропинке.

Абсолютно обескураженная такой наглостью, я всё же сделала несколько неуверенных шагов и тут же ощутила поддержку. Когда ноги соскользнули, а руки не успели ухватиться за ветви кустарника, его рука помогла мне устоять на месте. Я обернулась и благодарно кивнула, отметив при этом его взгляд, начисто лишенный усмешки и на удивление отрешенный.

На моих щеках запылал яркий румянец. Захотелось немедленно отдернуть юбку, чтобы прикрыть бледную, не знавшую солнца, кожу ног хотя бы до колен. Но как только я отпустила руку от сухих стеблей травы, кеды упорно заскользили по песку вниз. Пришлось вцепиться ногтями в жидкую растительность склона с новой силой и, подтягиваясь, стараться ползти вверх.

Мысль о разодранной коленке больше не напоминала о себе. В голове стучало: он наверняка, видит мои трусы. Мои трусы!

По шее скатилась одинокая капелька пота. Щекотно. Я быстро смахнула её, прижав щёку к собственному плечу, и

продолжила покорение вершины. Не хватало еще вспотеть как марафонцу! Достаточно с меня позора за один день.

Так, оставалось совсем чуть-чуть.

Я радостно схватилась за последний выступ и попыталась подтянуться на руках. Камешки под моими ногами противно захрустели и, вырвавшись из-под резиновой подошвы кед, покатались вниз. Песок тонкой струйкой побежал меж пальцев, судорожно обхвативших в поисках спасения хлипкое корневище полыни.

Мне показалось, что подо мной река, в которую я погружаюсь под тяжестью собственного веса. Пальцы внезапно оторвались от земли вместе с пучком жухлой травы, и на секунду пришло осознание, что сейчас повторится спуск с обрыва. Мне придется уже носом, а не другими частями тела собирать все неровности. Это конец.

Но вдруг что-то подхватило и с силой вытолкнуло меня вверх.

– Ты схватил меня за задницу! – прокричала я, вставая и отряхиваясь.

Сергея преодолел последний метр, встал, и, как ни в чем не бывало, вытер руки о джинсы.

– Нужно было дать тебе упасть?

Я замерла, решив оставить при себе грубые слова, вдруг пришедшие на ум. Он подошел к гаражу, молча прикрыл двери, повернул ключ в замочной скважине и поднял с земли банку с молоком так легко и непринужденно, словно бы

она не весила ни грамма.

– Не хочешь составить мне компанию? Мне нужен поделеньник.

Я уставилась на него.

– Ты о чем?

Сергея, не дожидаясь меня, бодро припустил вперед по тропинке, словно знал дорогу до моего дома. Сорвавшись с места, я бросилась за ним вдогонку.

– Сегодня ночью я иду на дело.

– Какое?

– Ты мне не доверяешь? Я только что спас тебе жизнь.

Поравнявшись с ним, я замедлила шаг.

– Да брось!

– Ты бы грохнулась вниз и ободрала себе не только колени.

– Я что, не имею права знать, в какую историю ты меня собираешься втянуть?

– Мне не к кому больше обратиться.

– Что нужно делать?

– Я зайду за тобой в полночь. Хорошо?

– Исключено, меня не отпустят.

Он резко остановился и серьезно уставился на меня.

О, эти ресницы! При взгляде на них я почувствовала, что теряю самообладание.

– Высоко живешь?

– Нет.

– Сможешь вылезти в окно?

Здравый смысл приказал мне отказаться, но губы произнесли:

– Наверное...

– Значит, приду за тобой в двенадцать.

– Марьяш, – мама отъехала вглубь коридора, стараясь не задеть колёсами инвалидной коляски, стоявшую сбоку обувь. – А что с твоей коленкой?

Её глаза внимательно отсканировали мои ноги, расписанные йодом под хохлому, затем скользнули по гриве огненно-рыжих волос и остановились на лице. Я присела, чтобы осторожно выпустить на пол из своих объятий тяжелую банку. Молоко вспенилось и буквально вскипало после прогулки под палящим солнцем.

– Поскользнулась, – промямлила я, стараясь не выдать свои истинные переживания.

Мой мир начинал меняться. Неуловимо, почти не ощути-мо, но что-то преобразилось вокруг. И я еще не понимала, что именно.

Губы сами собой, подчиняясь каким-то неведомым законам, начали предательски расплываться в улыбке. Сердце забилось под ребрами, выбивая не то чечетку, не то цыганочку. Я словно стояла на пороге чего-то нового, неизведанного, и не знала, как на это стоит реагировать. В попытке скрыть от мамы волну нахлынувших эмоций, я отвернулась и принялась, насвистывая, развязывать шнурки.

– Что это? – вдруг удивленно спросила она.

– Где?

Я услышала, что мой голос дрогнул.

– Вот там, – она махнула пальцем на юбку.

Я подошла к зеркалу, повернулась и вывернула шею, чтобы заглянуть себе за спину. На желтой ткани, прямо посередине моей тощей задницы, бесстыдно темнели мазутные пятна – отпечатки рук моего спасателя.

– Ничего не хочешь мне объяснить?!

– Блин...

* * *

Одеваться в темноте – не самое легкое занятие.

Мои глаза блуждали по ящику в поисках нужных предметов одежды. Может, стоило бы надеть платье? А вдруг это свидание? И зачем только я согласилась...

– Мари, – донеслось с улицы сквозь приоткрытое окно.

Черт побери! Моё имя в ночной тишине прозвучало слишком громко. Наверное, все соседи с интересом припали к окнам. О чем он только думает?

Я схватила из ящика первые попавшиеся штаны и лихорадочно натянула, стараясь не издавать лишних звуков. Старый деревянный пол тут же предательски закрипел от моих шагов.

Интересно, слышала ли мама? Замерев, я прислушалась. В квартире по-прежнему было тихо. Только я могла просидеть на кровати два часа, созерцая закат, и не удосужиться

собраться к условленному времени.

Еще секунда, и его голос раздался на улице еще громче.

– Иду! – приоткрыв окно, нервно прошептала я.

Он стоял возле подъезда в тени дерева. У него на плече висела большая спортивная сумка. Над головой парнишки ярко горели звезды, и их свет разливался по асфальту, перемешиваясь с лунными бликами.

Я села на подоконник и медленно вдохнула теплый летний воздух, который хотелось пить и пить жадными глотками, ощущая на языке живое, сладкое послевкусие.

Мне хотелось убедиться, что моего исчезновения никто не заметит.

В комнате мамы было тихо. Я подождала еще несколько секунд и осторожно перекинула ногу через оконную раму. Стало страшно. Даже не от высоты. А от бессмысленности происходящего. Ослушаться мать и сбежать поздней ночью? Никогда не думала, что способна так поступить.

Кто он? Зачем я ему? Мне не было известно об этом парне ровным счетом ничего.

– Не бойся, – шепнул он, подойдя ближе и встав под окном. – Прыгай, я тебя поймаю.

Я кивнула и пересела на самый краешек подоконника. Не хотелось бы, чтобы от моего прыжка загредел старый жестяной отлив с наружной стороны рамы.

Заметив мою нерешительность, парень вплотную прислонился к стене и вытянул навстречу руки. Его взгляд показал-

ся мне странным. Глаза блестели, зрачки были расширены. Я поняла, что он смущен не меньше моего. Это вдруг придало мне уверенности.

Осторожно оттолкнувшись от края, я тяжело рухнула в его объятия. Он даже не покачнулся. Поймал меня и аккуратно поставил на асфальт. Руки Сергея, крепко сжимавшие мою талию, быстро соскользнули и расцепили объятия. Я почувствовала, как меня охватывает жар. В голове стучало: посмотри, какие у него сильные руки, какая широкая грудь, какой он высокий.

Я удивилась своим собственным мыслям. По телу, от затылка до самых пяток, пробежала дрожь. Такое случилось со мной первый раз в жизни, это было и странно и восхитительно одновременно.

– Идем, – махнул рукой Серега и поспешил скрыться среди густой листвы деревьев.

Я окинула окна взглядом.

Шторы даже не колыхнулись. Значит, мама спит. Облегченно вздохнув, я кинулась вдогонку за своим спутником.

Мы шли по пустынным городским окраинам, слушая тишину. Стояла безветренная ночь. На улицах не было видно ни машин, ни прохожих. Мягкий лунный свет струился по крышам домов, замерших в полнейшей тишине. Я словно плыла, рассекая руками воздух, а Сергей выдирал по пути травинки и, задумчиво хмурия нос, разламывал их в руках.

Нам не нужно было слов, мы будто и так понимали друг

друга. Мои тревоги стали утихать. Дорога вела нас к центру города.

Интересно, что он чувствовал, когда прижимал к себе моё тело? Он был таким живым, горячим, дышащим, что впервые натолкнуло меня на мысли о... поцелуях...

Что было бы, если бы он запустил свои горячие ладони в мои волосы? Если бы я почувствовала его дыхание на своих щеках, коснулась дрогнувших губ в темноте... Осталась бы на моем языке их сладость?

От этих мыслей в душе разгоралось неведомое пламя, пожирающее всё вокруг. И я не переставала удивляться самой себе.

– Сюда, – хрипло шепнул он, схватив меня за руку.

Мы нырнули в кусты и медленно, словно крадучись, пошли вдоль какого-то забора, обтянутого сеткой-рабицей. Он не смотрел на меня и больше не говорил ни слова. Просто вёл за собой. Сквозь густую листву деревьев не проникал свет луны, лишь тусклый свет фонаря вдали. Мои пальцы крепко впивались в его кисть, ноги послушно следовали по его следам.

– Классные брюки, – кивнул он, указав пальцем на мои белые штанишки.

– Спасибо.

– Не могла еще ярче надеть?

В темноте, окутавшей нас вокруг, я сильно сжала его ладонь. Он тихо рассмеялся. Раздумывая, не обидеться ли, я

последовала его примеру и захихикала.

– Здесь, – Серега отогнул сетку, огляделся по сторонам и проворно прошмыгнул внутрь.

У меня перехватило дыхание.

– Нет, – прошептала я, проскользнув сквозь отверстие в заборе, – это же...

На большой территории, покрытой асфальтом и кучами мусора, располагались ряды автомобилей отечественных марок. Старых, заброшенных и полуразобранных. Вдали, возле сторожки, горел одинокий фонарь, освещавший несколько машин поприличнее.

– Да, – отозвался Серега, присев и скинув сумку с плеча. – Это штраф-стоянка.

– С ума сошел? – прохрипела я, пригнув голову, чтобы не быть замеченной. – Ты в курсе, что мы находимся в тридцати метрах от главного здания ГАИ?! И это, ко всему прочему, охраняемая территория!

– Если ты будешь так орать, то нас быстро заметут. Лучше иди сюда, поддержи.

Я увидела, как он со спокойным видом достает из сумки ключи и инструменты. От страха сердце готово было вырваться из груди. Руки задрожали. Зубы отбивали безумную чечетку.

Я присела, осознав, что назад пути нет. Он сделал за меня выбор. Притащил посреди ночи, чтобы втянуть в незаконное мероприятие, грозившее мне... Чем? Действительно, чем...

А черт с ним! Хорошенькое ведь выходит приключение! Всё лучше, чем читать занудную медицинскую литературу перед сном.

Я огляделась вокруг и заметила, что огромная куча, показавшаяся мне мусором, была на самом деле просто огромной горой мотоциклов, беспорядочно наваленных друг на друга и брошенных гнить возле забора.

– Будешь стоять на шухере. – Его тон приобрел тревожные нотки. – Смотри в оба.

– Ты кто? Вор?

Подтаскивая к моим ногам огромную железяку, Серега внезапно беззвучно расхохотался.

– Нет.

– Ты пришел, чтобы утащить отсюда что-то!

– Да.

– Значит, вор! Почему ты не сказал мне?!

– Да я вообще учусь в Школе Милиции! Но вор, конечно, звучит романтично. Если тебе нравится...

– Милиции?!

– Да, в городе. Поэтому, если нас заметят, тебе ничего не будет, а мне придется не сладко.

Я смотрела на его лицо, скрытое от меня в темноте, и недоумевала, как он мог решиться на такое.

– Ради чего?

Он деловито принялся что-то откручивать, погрузив руки в груды железа.

– Держи фонарик, будешь светить.

– Ни за что! Сначала скажи, что ты хочешь упереть отсюда!

– Ты уверена, что нам нужно именно сейчас поговорить об этом?

– Да!

– Черт! Мы тырим цилиндр на два выхлопа. На седьмой Планете цилиндр с одной выхлопной трубой. Расход больше, тяга меньше. Сейчас мы позаимствуем никому не нужный цилиндр от Планеты четвертой, поставим...

Он еще долго говорил и говорил. Объяснял, откручивая гайки, но для меня его слова были лишь выдержки из учебника по квантовой механике. Совершенно непонятные. Но такие красивые. Я с умным видом кивала и старалась не трести рукой, в которой держала фонарик.

Свет дергался, прыгая по разбросанным на асфальте деталям. Также дергано и не спокойно отныне стучало моё сердце. Тук-тук-тук-Тук.

На следующее утро мама, одетая в своё любимое клетчатое платье, готовила мне космические котлетки на завтрак. Они были её коронным блюдом. Не знаю, откуда пошло такое название, но, наверное, с тех времен, когда накормить ребенка хоть чем-то без красочных описаний и придуманных историй было большой проблемой. Эти котлетки вполне могли бы стать полноценным блюдом, так как состояли из овсянки, моркови, лука, хлеба и одного лишь запаха куриного фарша, но подавала она их традиционно с гарниром из перловки, гороха и крайне редко гречки.

Я лениво ворочала алюминиевой ложкой, сгребая разбухшие крупинки с краев в середину тарелки, и старательно делала вид, что выпалась.

– Ты проверяла? – спросила мама, накрывая сковородку крышкой.

– Что? – отозвалась я, прожевав сухую кашу, противно прилипающую к зубам и деснам.

– Не завелись ли птицы в драконьем гнезде, что у тебя на голове!

– Мама, перестань.

Она подъехала и остановилась с другой стороны стола, поставив колёса коляски на тормоз.

– Неужели так трудно прибрать волосы? Встал с постели,

расчесался, сделал хвостик.

– Я знаю...

– Короче, ешь, давай!

Она потянулась за чайником, и я машинально соскочила, чтобы ей помочь. Вдруг раздался стук в дверь.

Мы замерли, силясь вспомнить, кого ожидали в такую рань. Сестра в это время еще должна была находиться в пути. Может, это соседка решила вмешаться в нашу утреннюю ссору? Мама ведь так громко возмущалась, что я неведомым образом снесла с подоконника её любимые цветы ночью.

Быстро плеснув кипятка в чашку, я поспешила к двери.

– Сама открою.

– Хорошо, – согласилась мама, вытирая руки о фартук.

Я заглянула в глазок и моментально ощутила озноб. Это был Он!

С какого перепугу? Зачем он решил завалиться прямо ко мне домой? Сергей Донских, на этот раз умытый и одетый в белую хлопковую рубашу и голубые джинсы, стоял на моём пороге и улыбался так широко, словно на дверном полотне ему показывали мультики.

Навалившись на дверь, я судорожно попыталась придумать, как поступить. Но внезапно громкий стук повторился вновь.

– Кто там? – донеслось с кухни.

Я до боли прикусила кулак и отчаянно замахала им в воздухе. Похоже, мне не успеть сгонять в ванну и хотя бы взгля-

нуть на себя в зеркало. Придется ему увидеть меня в красном линиялом халате без рукавов, который в сочетании с пылающими щеками превращал меня в переспелую помидорину.

Не дожидаясь, пока мама прикатит в прихожую, я отворила дверь.

– Привет, Мари, – сказал он настолько громко, что меня от страха загнуло почти как эпилептика.

Наверное, он хотел, чтобы его голос слышали даже на Марсе!

– Угу, – кивнула я, забыв, как нужно шевелить губами, чтобы получались слова.

На мгновение он смутился, но тут же взял себя в руки.

– У меня нет твоего номера телефона.

Я и забыла, какой он красивый. Весь состоит из улыбки. Она такая сияющая, что невозможно сердиться.

С кухни донесся скрип и звуки качения резиновых шин по старому крашеному деревянному полу. Пока я раздумывала, стоит ли выйти в подъезд и притворить за собой дверь, мама уже добралась до коридора.

Мне отчаянно захотелось стать невидимкой. Я чувствовала её прожигающий взгляд на своей спине.

– Доброе утро, – он в удивлении опустил глаза на женщину в инвалидном кресле.

– Здра-а-авствуйте, – неожиданно мурлыкающим тоном отозвалась родительница.

Донских нагнулся и протянул ей руку.

Зачем он здесь? Пришел из-за меня? Я устремила взгляд к полу, чувствуя, что мои мысли кричат громче моего собственного голоса.

– Сергей, – представился он.

– Нина. Нина Матвеевна, – воскликнула мама, подав руку, словно для поцелуя. Степенно и при том кокетливо, как средневековая дама. – Да проходите, что же Вы!

Я украдкой бросила на него взгляд. Пожимая её руку, он улыбался еще сильнее, забавно щуря нос, словно от солнца. Или ему действительно всегда было весело, или остаток ночи он провел на подзарядке от электрической сети.

– Да, проходи, – пробормотала я, отступая назад, чтобы дать ему дорогу.

– Сережа, – обратилась к нему мама, отъезжая в глубину коридора. – А почему я Вас раньше не видела? Вы, наверное, учитесь вместе с Марьяшей?

– Нет, – не повел и ухом незванный гость, снимая красивые белые кроссовки. – Мы недавно познакомились.

Я сглотнула. Повернуться в такой момент к маме, чтобы увидеть её выражение лица, было бы всё равно, что ведьме столкнуться нос к носу со средневековой инквизицией.

– Не желаете с нами позавтракать? – как ни в чем не бывало, проворковала она.

Что?! Она так это сказала, будто нет ничего странного в том, что к её дочери пришел парень!

Может, у нее тактика такая? Коварный план? Ждет, наверное, когда он отвернется, чтобы выхватить из под клетчатой юбки мачете и порубить его на мелкие кусочки.

– С удовольствием, – улыбнулся он, сверкая ярче неоновой лампы.

Что вообще происходит? Неужели, это не сон. Он в моей квартире!

Умереть, не встать.

Я прошла на кухню, чувствуя, как сиятельная улыбка прошивает меня своими лучами насквозь. Донских плюхнулся на свободный стул так, словно делал это каждый день. Мама с грацией кошки выхватила из ящика чистые приборы и разложила перед ним. Мне ничего не оставалось, как наполнить для гостя тарелку остатками рассыпчатой каши с парой сморщенных котлеток.

– А где ты живешь, Сережа? – поинтересовалась мама.

Её руки теребили подол фартука. Я, всё еще опасаясь её взгляда, осторожно присела рядом. Между ними. Мало ли чего.

– В общем-то, недалеко от Вас, – он вопросительно глянул на меня, словно хотел проверить, что стоит говорить, а чего нет.

Я робко улыбнулась в ответ и опустила голову, спрятав глаза за упругими рыжими кудряшками. Ему невозможно было не улыбаться. Краем глаза я заметила, что мама тоже сияет, разглядывая его. Ресничный апокалипсис, он стреми-

тельно распространялся по воздуху. Если бы такое позволялось делать вслух, то я бы охала и ахала на каждое его моргание.

Донских с энтузиазмом подхватил ложку, отделил часть котлетки и отправил в рот. Мама уставилась на Серегу как на второе пришествие Иисуса. Затаив дыхание, она ждала вердикта, который поднял бы парня в ее глазах или низверг в пучину адского пламени.

Молчание затянулось. Мне хотелось спасти ситуацию. Перебирая в голове различные варианты, я придумывала, как бы спасти его от неминуемой гибели. Для отвлечения внимания можно было залихватски выпрыгнуть в окно или облить себя кипятком.

– Восхитительно! – наконец, совершенно искренне изрек Серега в полной тишине.

Аплодисменты! Ему удалось сорвать овации.

Я выдохнула. Он так и не узнал, что ходит по минному полю. Мама с довольным выражением лица откинулась на сидении.

– А где ты учишься, Сережа? – спросила она.

– В школе милиции, – прожевав, ответил Донских.

– Так ты уже, выходит, совсем взрослый, – спохватилась родительница, нахмутив брови.

Опасность! Всем надеть огнеупорные костюмы. Сейчас кого-то обдаст раскаленной магмой.

Серега украдкой кинул на меня взгляд. Мои глаза демон-

стративно полезли из орбит, сигнализируя, что он вступил на слишком тонкий лёд.

– Так только кажется, – ответил он, изучив, кажется, каждую веснушку на моей переносице.

Мне показалось, что мама облегченно выдохнула. Она довольно кивнула и направила свою коляску к плите, чтобы подогреть чайник. У Сереги появился реальный шанс доесть свой странный по содержанию завтрак и живым выйти из-за стола.

– Я его собрал, – шепнул он мне, и его улыбка осветила всю кухню.

– Кого? – одними губами спросила я, поджимая ноги.

– Мотоцикл, – ответил он и выпрямился, заметив мамин взгляд.

Выходит, он вообще не спал этой ночью.

Я робко взяла свою кружку и обхватила руками, пытаюсь согреть и без того разгоряченные ладони. Обернулась и увидела, что мама пристально наблюдает за тем, как Серега вышагает над нашим столом. Очевидно, увиденное ей понравилось, потому что она улыбнулась и отвернулась к плите.

– Сейчас мы с Марьяной поедem в больницу, – печально изрекла мама, когда завтрак был окончен.

– А что там?

Он посмотрел на меня в упор, и моё сердце замедлило

свои сокращения.

– Маме нужно проходить комиссию, – пояснила я, убирая посуду со стола. – Приходится проходить всех врачей время от времени, это нужно, чтобы получать пенсию, льготы, всякие штуки типа коляски или противопролежневых подушек.

– А они что не могут назначить пенсию один раз и навсегда? – совершенно искренне недоумевая, спросил он.

Мама разразилась настоящим хохотом, словно сошла с ума. Опять не выдержали нервы.

– Там очереди таких несчастных. – Я схватила попавшуюся на глаза резинку и, пытаясь умиротворить волосы, замотала их в высокий хвост. – Вдруг, у кого-то отросла нога, потерянная на войне, прорезался слух, отсутствовавший с детства, или... позвоночник самоисцелился... Всякое бывает.

– Я с вами! – неожиданно заявил Серега и, вскочив, задвинул за собой стул.

– У тебя, наверное, своих дел полно.

– Вовсе нет.

– Ну, если только тебе не в тягость...

– Конечно, нет.

Всхлипнув, мама бросилась показывать ему квартиру.

– Это кровать Марьяны, это Ани, – тыкала пальцем она, – это мои награды за стрельбу из лука, это я сама связала, сшила, слепила, смастерила. Это Марьяшины картины. Она чудесно рисует.

Я видела, как он искренне восхищается её соловьиными

трелями и недоумевала, что он забыл в этом старом бараке, заполненном всяким хламом в этих своих начищенных кроссовках и отглаженной рубашке. Он разглядывал мамины поделки, задавал вопросы и совершенно не чувствовал смущения, когда выслушивал историю про упавшие разом по невыясненным причинам горшки с цветами.

Переодевшись, я не обнаружила никого, выглянула из квартиры и поразилась, как ловко и быстро он помог маме спуститься по лесенкам. Просто развернул коляску против движения, надавил на ручки, наклонил на себя и покатил, словно пушинку. И все это с неизменной довольной ухмылкой на лице. Первый раз за последние годы, она выходила из подъезда, не употев от постылой тряски по ступеням.

Проверив, на месте ли необходимые документы, я поспешно закрыла дверь и вышла на залитую солнцем улицу. Они стояли ко мне спиной и оживленно болтали с какой-то девушкой.

Её смех нельзя было перепутать ни с чьим другим. Разноцветные блики переливались в ее волосах цвета меди, заставляя надолго задерживать на них взгляд. Она была похожа на дивную русалку, чудом оказавшуюся в нашем мире.

– Наконец-то, зяблик! – радостно воскликнула она и потрепала меня по плечу. – Я ужасно соскучилась!

Я печально выдохнула.

Случилось то, чего я боялась больше всего. Приехала сестра. Он увидел её, и больше никогда на меня не взглянет.

Наверное, любой мужчина бы его понял. Анька была восхитительна. И то, как она оценивающе разглядывала Серегу, выдувая своими пухлыми губами розовые пузыри жвачки, не могло оставить и тени сомнения: жертва намечена, формируется план по захвату.

– Так, получается, мы совсем недалеко друг от друга учимся с Сережей! – воскликнула она, бесцеремонно прижимаясь к плечу МОЕГО спутника.

Она даже не посмотрела в мою сторону, иначе бы точно заметила молнии в моих глазах.

Ей всегда нравилось издеваться. Последние лет пять были для меня просто адом. Спросит, можно ли взять мою одежду, получит отказ и всё равно возьмет. Узнает, что я мечтаю о чем-то, и тут же выпросит мать купить ей то же самое. Даже именно моё желание уехать в город на учебу подвигло сестру собрать чемодан и скорее свалить. Знала, что я буду вынуждена остаться, ведь не смогу оставить маму одну.

Серега вежливо улыбнулся и кивнул ей. Казалось, его не сразили наповал её округлые формы, пухлые губы цвета спелой малины и коротенькое платишко, едва ли прикрывавшее хотя бы половину тела. Он продолжал держать ладони на ручках маминой коляски, готовый в любой момент стартануть в сторону больницы.

– Анечка будет хирургом, – гордо заявила мама, любуясь старшей дочерью.

И она туда же! Может, она еще рекламный плакат ей на шею повесит? Продаётся, недорого.

– Ма-а-ам! – картинно скривилась Аня, складывая руки на талии. – Не надо, я же просила.

– Доченька, я очень в тебя верю! Ты только не скромничай.

Эй! Меня, вообще, кто-нибудь здесь замечает? Я, что, пустое место? Как закончить эту беседу?

– Нам уже пора, – пробормотала я.

Мой голос прозвучал неуверенно.

Мама даже не повела носом. И почему я всегда ощущала себя второсортной сестрой рядом с Аней? Когда она уехала, мы жили с мамой душа в душу, много разговаривали и, кажется, даже начали понимать друг друга. Теперь она вернулась, и я снова чувствую себя рожденной лишь для того, чтобы оттенять её достоинства.

Серёга улыбнулся, заглядывая в мои молящие глаза, и мне захотелось, чтобы он поделился со мной своим солнцем. Так мне стало тоскливо.

– Вообще, медицина это скучно и грязно, – воскликнула Аня, пожирая глазами сильные Серегины руки.

– Просто нужно почувствовать, твоё это призвание или нет, – произнес он, одарив её искренней улыбкой.

Нет-нет! Не делай этого. Эта акула влюбится в твою улыбку, заграбастает, а потом разжует и выплюнет, как эту противную розовую жвачку, мелькающую меж её зубов.

– Анечка, тебе нужно отдохнуть с дороги, – ласково проворковала мама, – и мы тоже пойдём, а то опоздаем.

– Вы что, и парня с собой припахали? – сестра недовольно сдвинула брови. – Сережа, может, ты останешься? Зачем тебе с ними ходить? Зяблик справится, ей не привыкать.

Я взмахнула руками, не в силах подобрать подходящих слов. Да, как она может вообще?!

– Не-е-е, – протянул он, – мне самому интересно. И совершенно не трудно.

– Очень жаль, – произнесла она, продолжая очарованно разглядывать его черные глаза.

Донских наклонился, ловко, словно гоночный болид, развернул мамину коляску и бодро двинул в сторону проезжей части.

– Сережа, мы обычно ходим по тротуару, – взмолилась мама.

– И собираете все кочки? – усмехнулся он. – Дорога здесь лучше, мы имеем полное право ехать, прижимаясь к краю, и все водители должны с нами считаться!

– Разве?

– Еще бы! Так как насчет того, чтобы прокатиться с ветерком?

Я в первый раз видела маму такой веселой. Она хохотала на всю улицу. Донских направил коляску в сторону поликлиники и махнул мне головой, чтобы догоняла.

– Не староват для тебя? – раздался ледяной голос за спи-

ной.

Я повернулась к ней, готовая с честью дать бой.

– Почему это?

Меня изумила решительность, появившаяся в собственном голосе.

– Тебе семнадцать. А ему сколько? – Она с вызовом посмотрела на меня. – Девятнадцать? Больше?

– И что?

– Да это как минимум противозаконно!

– Мы не делаем ничего такого...

– Я поговорю с мамой, – твердо сказала она, поправив сумку на плече.

Я ошарашенно глядела на неё. Почему она всегда так поступала со мной? Откуда столько ненависти? Никто не виноват в том, что ее мир рухнул после ухода отца. Мне тоже было несладко!

Да, он не выдержал этой ноши, решил, что не потянет жену, оставшуюся инвалидом после аварии, и двух маленьких детей. Да, Ане пришлось водиться с младшей сестрой вместо того, чтобы гулять со сверстниками. Но в этом не было виновных. И уж точно не на меня ей стоило выливать свой гнев.

– Ты не посмеешь! Почему ты вечно лезешь не в своё дело?! – прошептала я, сжимая пальцы в кулаки.

Она лишь надменно улыбнулась в ответ и легкой походкой направилась к подъезду. Её не волновало моё душевное

состояние. Она привыкла быть победительницей по жизни.

Ужасно напуганная её словами, я просто смотрела ей вслед.

Две сестры.

Две маленькие девочки, которые прятались с фонариком под одеялом от монстров, реальных и выдуманных. Они делили всё пополам: одежду, игры, последний кусочек хрустящего серого хлеба. Они считали звезды, лёжа на узкой кровати возле окна, грелись у раскаленного радиатора и держались за руки во сне.

Они всё делали вместе и отчаянно старались, пытаясь заполнить пустоту в разбитом сердце матери. Две кровиночки, такие разные и такие одинаковые... Когда они успели стать такими чужими друг другу?

– Ты уверен, что обязательно надевать эту странную штуку? – смутилась я, в который раз краснея под его светоносным взглядом.

Сергеа повернулся и радостно хлопнул ресницами.

– Если ты хочешь прокатиться по городу, то да!

Отложив шлем на деревянную полку, я опасливо приблизилась к мотоциклу.

– Тогда давай сначала прокатимся в поле. Там, где дорога, видел?

– Хорошо. – Он остановил меня жестом руки. – Только ступай осторожно, сразу на подножку, иначе обожжешься.

От беглого взгляда брошенного им на мои бледные ноги я смутилась еще сильнее. Как же эти женщины из рекламы умудряются так элегантно запрыгивать на Харлей? Все эти мотоциклы такие огромные! Даже наши отечественные.

Не смело ступив на подножку, я вцепилась в Серегоны плечи, подтянулась, перекинула ногу и неуклюже уселась. Пожалуй, косматые чешуйчатые носороги сделали бы это грациознее! Но что подделаешь, такой уж пассажир достался сегодня водителю. Придется ему потерпеть.

Мотоцикл, кажется, даже не заметил тяжести моего тела. Серега повернул ключ в зажигании, резво топнул, и железная махина громко заурчала.

Ловко спрятав ногой ножку стартера, Донских повернул ручку зажигания, и мы двинулись с места. Плавно, но меня все равно потянуло назад. Ойкнув, я обхватила его за талию, забыв о смущении.

Обнимать его было непросто. Сердце гулко затрепетало в груди, тело прошил сильнейший электрический разряд. Я вдруг испугалась, что он ощутит, как дрожит мое тело, и замерла.

Что со мной такое?

Совсем забыла, как нужно дышать...

Лови воздух губами. Еще одна попытка. Ну, почему не выходит?

Горячий жар прилил к щекам, сделав их возмутительно пунцовыми.

Задышавшись, я опустила голову и осторожно прижалась лицом к его спине. Вибрации двигателя отдавались эхом в его позвоночнике. Сладкая тянущая истома охватила всё моё тело. Мне показалось, что я помешана от счастья. Все звуки перестали существовать.

А если мне просто почудилось, что я ему нравлюсь? Тень сомнения вдруг промелькнула в моей голове и тут же унеслась прочь. Но, иначе, зачем бы он пришел, а потом носился со мной и моей мамой по всей больнице? А его улыбка, его взгляд... То ночное свидание, от воспоминаний о котором бегут мурашки... Это мало похоже на братские отношения. Пожалуй, и как бы удивительно это ни звучало, но я ему всё-

таки симпатична.

Мы выехали на тропинку и двинулись вдоль леса. Потоки встречного ветра нежно перебирали мои непокорные волосы, закручивая их в огненно-красные спирали.

– Думаешь, стало лучше? – неожиданно громко спросила я, имея в виду его работу по переделке мотоцикла.

– Не знаю, вроде ни черта подобного! – радостно крикнул он мне в ответ, поняв, о чем я говорю, буквально с полуслова.

Не решаясь взглянуть на Серегу, я тихо уткнулась носом в его футболку и осторожно вдохнула запах. Моя земная оболочка тут же перестала существовать. Я больше не чувствовала тяжести.

Душа взлетала к небесам.

Это странное и неожиданное знакомство словно развязало в моей душе какой-то узел, отпустило на волю чувства и эмоции. В сердце расцветал прекрасный цветок.

Вот он, настоящий вкус жизни: в этом ветре, ласкающем кожу, в диком рёве мотоцикла, поднимающего клубы серой пыли на дороге возле леса, в этом сильном человеке, к чьей спине так тепло и уютно прижиматься, сидя позади. Один этот миг стоит всей жизни.

– Держись! – прокричал он.

Я сцепила пальцы на его животе и посмотрела на небо. Солнце было еще высоко. Яркие лучи лились сквозь густую шапку разлапистых сосен, раскрашивая нас ослепительны-

ми мириадами. Усыпанное белоснежными ромашками поле вдали сверкало точно ожерелье из белого агата и жемчуга. В воздухе приятно пахло сахаристой сосновой смолой. Мне вдруг захотелось прикоснуться к каждому листочку и травинке, обнять могучие деревья, нырнуть с разбегу в пушистое цветочное облако. Природа вокруг нас просто взрывалась от красоты!

Наконец, мы свернули с тропинки в поле, и густой дым из выхлопной трубы скрыл нас ото всего мира.

* * *

Мы лежали на влажной от дождя траве, нагретой нашими телами. Среди бесчисленных желтых глазков ромашек расцветали и мои мечты.

– Почему ты не хочешь поступить в медакадемию? – спросил Серега, глядя на небо.

Тучи быстро рассеивались, словно и не было этих могучих тяжелых капель, промочивших одежду насквозь. Солнце улыбалось так ласково, будто хотело опуститься и прилечь рядом.

– Очень хочу, – прошептала я, наблюдая, как колышется тоненькая травинка, зажатая в его зубах.

– Тогда ты должна попробовать поступить.

– А с кем я оставлю маму?

– Можно попробовать перевезти её в город.

– Она не захочет. И скажет, чтобы я сначала доучилась в медучилище.

– А чего ты сама хочешь?

Я открыла рот и застыла, поняв, что теряю почву под собой. Мне и самой было не ясно, чего хочу. Остаться в этом захолустье, трудиться в местной больнице медсестрой или уехать в город, чтобы научиться спасать жизни людей? В моих слабых руках была вся моя судьба, и в них не было ничего кроме воздуха.

– Мои желания не самое главное...

– Есть еще ответственность за маму, я помню.

– Вот, видишь.

– Я скоро уеду. – Его голос донесся откуда-то издалека, с таким звуком обычно рушатся надежды, которые только начали принимать почти осязаемые формы.

– Знаю, – прошептала я, чувствуя, как несколько сантиметров, разделявшие нас, превращаются в пропасть.

– И ты мне сегодня приснилась, – добавил он тихо.

В его голосе прозвучала какая-то горечь, которой я не поняла. Слова медленно поднялись с губ и растворились на выдохе. Пропать между нами тут же начала затягиваться, превращаясь в бурную реку, течение которой захватывало наши души и уносило с собой.

Приподнявшись, я случайно наткнулась рукой на его локоть, и мы смущенно переглянулись. Лучи струились с неба и вплетались в его иссиня-черные волосы.

– Правда? – выдохнула я, не смея отвести взгляд от этой красоты.

– Да, – спокойно ответил он и перевел взгляд на мои губы.

– Значит, всё удалось!

Моё лицо засияло. Я что, и правда, умею улыбаться?

– Что удалось? – нахмутив нос, спросил Серега.

Я упала обратно на примятую траву и захлопала в ладоши.

– Есть такой метод. Прочитала о нем недавно. Если его освоить, можно путешествовать в сны других людей.

– Что нужно делать?

– Во сне ты должен чётко осознать, что спишь, и при этом не проснуться! И если ты это осознал, твоё астральное тело сможет отправиться в сновидение человека, которого ты задумал.

– Ты веришь во всё это? – совершенно серьезно спросил он, не выпуская из рта травинку.

– Да! Смогла же я сегодня побывать в твоём сне!

– И что ты там увидела?

Я сосредоточенно закусила губу.

– Не помню...

Серега рассмеялся от души, травинка упала и, скользя по его шее, потерялась среди зеленых стеблей ромашки.

– Ты просто мне приснилась, дурочка.

– Я всё же склонна думать, что...

– Ты веришь в Бога? – перебил он меня.

– Да, – совершенно искренне ответила я.

– Ты красиво рисуешь.

– Ага.

– Уверена, что хочешь стать врачом?

– Да.

– Хорошо. Стране нужны врачи, верящие в Бога...

Я выдохнула, чувствуя, как моё сердце выходит из укрытия и парит над головой подобно легкокрылой бабочке.

Мои глаза были открыты. Хотелось, чтобы это чувство полёта никогда меня не покидало.

– Хочешь поручить? – внезапно поднявшись с места, предложил Донских.

Я повернулась и увидела его радостное лицо. Нет, только не улыбайся!

Но он уже растянул губы от уха до уха. Меня ослепило, как от вспышки. Внутри, будто от залпа под сводами тихого древнего храма, разлетелись десятки белых голубей и вырвались сквозь открытые окна наружу.

– Хочу, – чувствуя, что пьянею, ответила я.

Он оторвал меня быстрым рывком за руку от земли и потащил к мотоциклу. Тот стоял на краю поля, грустно наклонившись на подножку. Я безропотно побежала за Серегой, по пути оглаживая бутоны ромашек, сверкавших на солнце. Что и говорить, в тот момент мне хотелось бежать за ним на край света.

– Садись, – подхватив меня как пушинку, скомандовал он.

Я опустилась на сидение, чувствуя, как раскалился на

солнце металл бензобака. Донских ловко запрыгнул сзади и повернул ключ. Его руки легли на мои, нежно обхватив мои пальцы. Он поднял их в воздух и положил на ручки сцепления и газа по обеим сторонам. От ловкого движения его ног, мотоцикл заурчал, как довольный сытый зверь.

– Сейчас будем медленно отпускать сцепление вот здесь, – сказал он, обжигая мою шею своим дыханием, – потом плавно добавим газа вот таким образом.

Железная махина заревела. Я со всей силой втянула воздух и кивнула. Все его слова растворились в раскатистом рёве мотора.

Буйные рыжие кудряшки, еще влажные после дождя, упали мне на лицо, но тут же, подхваченные ветром, устремились назад.

– Аа-а-а! – завопила я, ощутив, как огромная зверюга подо мной начала движение по дороге.

– Страшно? – спросил Серега, почти касаясь губами моего уха.

– Не-е-ет! – закричала я, замечая, что мои волосы закрывают ему обзор.

Мотоцикл быстро набирал скорость, отзываясь на каждое моё движение резкими рывками в сторону.

– Тогда можешь покричать, – засмеялся Серега, положив мне голову на плечо.

– Я еду-у-у!!! – завизжала я, добавив газу.

Ветер, ставший почти ледяным, хлестал нас по щекам. Ко-

леса со свистом разрывали воздух, оставляя после себя ураган из песка и пыли. Слева и справа мелькали деревья.

Небо кипело, приближаясь всё ближе и ближе. Мне казалось, что мы слились воедино и стали совершенно обтекаемыми. Свобода врывается в наши легкие, с шумом отдаваясь в каждой клеточке тела. Гравитация на мгновение отменила свои законы: мы полетели, отдавая всех себя этой свободе.

Это случилось на той самой, узкой тропинке возле обрыва.

Мы ехали медленно, не торопясь, и громко смеялись. Наши разгоряченные тела трясло от пережитых эмоций. Ему, конечно, не стоило доверять мне управление на таком опасном участке дороги. Я легкомысленно повернулась, чтобы взглянуть в его блестящие, затягивающие в себя, глаза. А Серега засмотрелся в мои.

Одно мгновение, и мотоцикл дернулся, чуть не рухнув вниз с обрыва. Это застигло нас врасплох. Я увидела только мелькнувший в Серегиных глазах страх и почувствовала, как сильно он сжал мои пальцы. Резкий толчок, и переднее колесо повисло в воздухе.

Мы застыли над пропастью. Замерли без движения, наклонившись над бездной.

Я повернула голову и увидела перед собой Татьянку, в спокойных водах которой играли солнечные блики. Это зрелище парализовало, сковало страхом и ужасом. Но не Серегу, – он молниеносно дернулся и повернул ключ в замке зажигания. Мотоцикл шевельнулся, кашлянул и замолчал.

– Спокойно, – срывающимся голосом прошептал Донских, почувствовав, как напряжены мои плечи. – Он уперся рамой. Сейчас ты осторожно встанешь, и всё будет хорошо.

Я заметила, как Серега осторожно отклоняется, чтобы перенести свой вес назад, и мои пальцы задрожали. Нужно встать осторожно, иначе он упадет с обрыва вместе с мотоциклом. Песок выбирался из-под колес и тонкой струйкой стекал вниз, облизывая опасные выступы крутого склона. Я зажмурилась, крепко, до боли и звездочек в глазах, пытаюсь привести мысли в порядок.

– Не бойся, – слышалось сзади.

Эти слова меня отрезвили. Не в силах сдержать волнения, я лихорадочно перекинула ногу и приготовилась к прыжку. Волосы предательски взметнулись и упали на лицо.

– Не бойся, – уверенно повторил он.

И я, закрыв глаза, прыгнула на траву. Колени больно уперлись во влажный песок. Сердце колотилось как безумное. Испуганно вскочив, я тут же обернулась к нему.

Серега, схватившись из последних сил руками за руль, дернулся в сторону злосчастной тропинки, пытаясь наклонить своим весом железную громадину. Та не поддалась. Он снова дернулся, зарывав, и мотоцикл закачался. Я представила, как он падает вниз, а сверху на него валится эта гигантская железяка, и забыла, как нужно дышать. В горле застрял крик.

Еще рывок.

Еще.

И махина, наконец, поддалась.

Завалив её на бок, Донских отпрыгнул и свалился на зем-

лю. Быстро вскочив, он вновь метнулся к мотоциклу, резко дернул за руль и потянул на себя. Его кроссовки уперлись в землю и медленно поползли в сторону обрыва. Но парень не сдавался. Выдохнув, он потянул за руль с новой силой. Над обрывом показалось переднее колесо. Вены на Серегиных руках надулись, мышцы заиграли под футболкой.

Я потеряла счет времени.

Ещё секунда, и он упал на землю к моим ногам. Его пальцы продолжали держать руль. Переднее колесо теперь не свисало над пропастью. Мотоцикл валялся рядом, на боку, побежденный простым мальчишкой. Я облегченно вздохнула. Теперь им обоим ничего не угрожало.

Донских отпустил руль и спокойно поднялся. К его мокрым от пота ладоням прилип песок. Он отряхнул их о джинсы и глянул вниз, на речку. Мои зубы отбивали дробь. Я отошла, шатаясь, и плюхнулась попой на траву.

Оттащив мотоцикл на метр от края, Серега не без усилий поднял его и поставил на подножку.

– Ну, что, штурман, куда теперь поедем?

Его сияющая улыбка озарила меня и весь левый берег реки в придачу.

* * *

Мне хотелось быстрее добраться до комнаты и спрятаться с головой под одеяло. Возможно, я могла бы пролежать там

с закрытыми глазами пару десятков лет, ожидая, пока рассеются все тучи.

Мама сидела напротив меня с суровым выражением лица. Её пальцы нервно перебирали ткань любимого клетчатого платья. С распущенными, свободно спадающими на плечи, волосами она напоминала разгневанную Эринию, богиню мести. Несмотря на легкую проседь, эта прическа очень её молодила.

– Ты представить себе не можешь, что я пережила, пока ждала твоего возвращения!

– Мама, прости, я не нарочно. Так вышло!

Она отпустила платье и сложила руки на груди. На её лице отчетливо читалось волнение, перемешанное с отчаянием. Трудно управлять детьми с инвалидного кресла. Особенно такими взрослыми, упорно рвущимися на волю из родительского гнезда.

– Марьяна, на улице давно стемнело! О чём ты только думала?!

Моё лицо залилось краской.

Сестра, сидевшая возле зеркала, улыбнулась так, чтобы я могла хорошо это видеть. Она радовалась. Расческа с новой силой впивалась в её длинные волосы, напрасно пытаясь усмирить мелкие завитушки цвета меди.

Анна пять минут назад ужасно бесилась, через окно провозжая взглядом Серегу, уходившего от нашего подъезда в сторону дома. Молнии, летящие из её глаз, готовы были ма-

териализоваться и испепелить меня до тла.

Те, мальчишки, с которыми она гуляла раньше, в основном только и делали, что пили пиво да орали песни под гитару до утра. Они редко удостаивали её такой чести быть сопровождающей до самой двери отчего дома. От этого она ненавидела меня ещё больше.

– Я постараюсь больше так не задерживаться, честно, – пообещала я, готовая встать перед мамой на колени.

Выражение маминого лица было непреклонно. Все знали, что это значит. Она запретит мне встречаться с Серегой и вообще надолго выходить из дома одной.

– Ты ещё совсем мала, чтобы гулять допоздна!

– Мне семнадцать! Я не понимаю. Ане ты всегда всё разрешала!

– Смотри, – противненьким голоском вмешалась сестра, обращаясь к маме, – такими темпами... скоро она тебе ещё и в подоле принесет...

Эти слова сработали лучше, чем канистра с керосином, запущенная в костер. Я ошарашенно уставила на неё. Как она могла так сказать про меня? Её глаза откровенно смеялись надо мной.

– Этого я точно не вынесу, – мама схватила за сердце.

Мне показалось, что моё самоуважение сжимается до размеров спичечного коробка. Попробуй теперь отмыться от грязи, в которой Аня меня выпачкала.

– Что ты такое несешь? – крикнула я сестре, повернулась

и сделала неуверенный шаг в сторону мамы.

Та резко взмахнула рукой, указывая, чтобы я к ней не приближалась, и судорожно вращая руками колеса коляски, покинула комнату.

Я видела, как тряслись её губы. Одна дочь огорчила тем, что ослушалась, другая умудрилась всё вывернуть наизнанку, усугубив ситуацию.

– Мама, – пропела вдогонку сестра, медленно скользя гребнем по волосам, – неужели ты позволишь ей встречаться с парнем, который гораздо старше её?

– Аня! – взмолилась я.

Она смотрела на меня снисходительно. Я для неё была не более, чем жалкой букашкой, назойливо мелькавшей возле глаз.

– Это, вообще-то, карается законом...

Во мне бурлили эмоции, я чувствовала, что вот-вот взорвусь.

– За что ты со мной так?!

Она расслабленно откинулась на спинку стула. Нет. Расселась как королева. Положила ногу на ногу и оглядела меня с ног до головы.

– За какие такие заслуги ты вдруг должна получить его? У тебя есть старшая сестра. И вряд ли тебе удастся устроить свою судьбу раньше меня.

– Что за бред?

Аня отнимала у меня одну мечту за другой. Жестоко, ци-

нично. А ведь я ничего плохого ей не делала.

Теперь переезд в город и поступление в медакадемию мне точно не светило. Она сделает всё, чтобы убедить маму. Это в её духе.

Я убежала к себе в комнату и громко хлопнула дверью.

Мыслей не было. Только раздирающие плоть эмоции. Стоило только закрыть веки, перед глазами возникало белое ромашковое поле. Нежный ветер, беспокойно колышущаяся трава, осыпанная солнечными бликами. Скорость. И Его сильные руки.

Нужно только представить, что ты там. Представить всё до мельчайших деталей и нырнуть. Вот так.

Через полчаса я встала, вытерла слезы и взяла учебник по анатомии. Нужно много заниматься. Я решила. Всё обязательно получится.

Нужно просто подождать. Если в меня никто не верит, никто не хочет помогать и поддерживать, я всё сделаю сама.

Да. Я смогу. Всё будет хорошо.

Свои мечты нужно осуществлять вопреки всему.

Сергей Донских был мастером переговоров. Я не сразу об этом узнала.

После того, как мне запретили видеться с ним, прошло долгих три дня, похожих на бесконечность. На четвертый раздался громкий стук в дверь. Он долго разговаривал с мамой на кухне. Не знаю, что именно помогло: махровая герань в горшке, которую тот притащил с собой, или согласие с предложенными условиями, но мне позволили проводить с ним время.

Теперь каждое утро начиналось с того, что Серега приходил рано утром и будил нас всех. За три недели мы привыкли к его чаю, свежесваренному из самых крупных чайных листочков и заботливо разлитому по кружкам. Горячему и ароматному.

Он традиционно спрашивал, кому добавить молока, и, не дожидаясь ответа, лил всем. Мы смеялись, общались, и никому его утренние визиты уже не казалось странными.

Аня обычно молчала и грустными глазами наблюдала за нами. В такие моменты мне становилось жаль её, ведь каждый заслуживает счастья. Но стоило мне только выйти из комнаты, она принималась болтать с Донских и громко смеяться. Липла к нему и отчаянно крутила задом. Я слушала её речи, сердилась и мечтала, чтобы она однажды прикусила

язык.

А потом мы ехали к реке.

Нам нравилось купаться. Подолгу. До посиневших губ и дрожащих коленей. Мы зарывались в песок на берегу и грелись, слушая медленное течение воды. Я не уставала любоваться своим спутником. Его фигурой, тем, как он забавно шурился на солнце, как встряхивал головой, когда волосы падали ему в лицо. Во всех его движениях была легкость, уверенность и капля юношеской непосредственности.

В один из таких дней он притащил на берег мольберт и краски, и я посвятила несколько часов тому, чтобы показать ему, как можно рисовать сердцем. Он сам выбирал цвета и пробовал делать первые неуверенные мазки, позволяя краскам свободно растекаться по бумаге. Меня завораживало это зрелище, больше похожее на волшебство. Серега ужасно смущался слов о том, что у него особенный талант, но кисти из рук не выпускал.

На следующий день мы расписали бензобак его мотоцикла яркими языками пламени и, еле дождавшись, пока краска высохнет, бросились обкатывать получившееся чудо на поле, полном мошкеры. Огромная махина разгонялась до предельной скорости и неслась, лихо проглатывая кочки. Я вставала, держась за Серегины плечи, и почти визжала от счастья.

Последний день наступил незаметно.

Я недоумевала, почему наши отношения больше похожат

на братские, но успокаивала себя тем, что это, вероятно, было частью договора с моей мамой. На мою долю выпадали лишь теплые объятия и многозначительные взгляды, и это рвало сердце на части.

В тот день он поставил мотоцикл в гараж. Громко лязгнула металлическая дверь, и в моей душе внезапно что-то оборвалось. Наверное, так заканчиваются сказки. Сейчас он проводит меня до двери и уедет. И больше не вспомнит о девочке, с которой проводил теплые летние деньки.

Серегу убрал ключ в карман и повернулся ко мне.

Его глаза вдруг беспокойно забегали между мной и собственными руками. Я немедленно прочла его мысли. Мне тоже хотелось этого. И с того самого момента, как мы познакомились.

Он сделал неуверенный шаг, и в целом мире остались только мы одни.

Наши глаза.

Бешено колотящиеся сердца.

И губы, дрогнувшие и натолкнувшиеся на другие такие же.

Я ощутила его сильные руки у себя на шее, и меня насквозь пронзила необъяснимая дрожь. Восхитительная и мучительная одновременно. Дрожь, распространяющаяся по телу и заставляющая раствориться в пространстве. Тепло в груди разгоралось сильнее и, пульсируя, вырывалось наружу.

И мы нырнули в бездну.

Сколько бы времени ни прошло, я понимала, что не в силах оторваться от него. От поцелуев у меня горело лицо. Наконец, он в исступлении прижал меня к стене и опустил руку. Скользнул по шее. Ниже. Лихорадочно коснулся груди, сжал её.

Я закрыла глаза, увидела небесную лазурь и миллиарды солнечных лучей, и все они были направлены на меня. Мои пальцы с силой впились в ткань его футболки. Наши безумные взгляды встретились. Я чувствовала, как его руки продолжают блуждать по моему телу.

Сергеа вновь притянул меня к себе. Мои губы, объятые пламенем, всё еще жаждали продолжения. Я вдруг почувствовала его руку между своих ног и не смогла сдержать стоны.

Земля начала вращаться в обратную сторону.

Нас словно охватила буйная горячка, которую невозможно было остановить даже выстрелом. Внезапно он остановился, словно вспомнив о чем-то. Его рука вырвалась из-под моего платья и больно сжала кожу на спине. Я выдохнула, пытаюсь прийти в себя. Серега навалился, обжигая своим дыханием мою шею, постоял так пару секунд, потом резко схватил меня, кинул на плечо, как куклу, и понёс, пробивая себе дорогу через траву и кустарники.

Мы вернулись на тропинку. Я дернула ногами, прыгнула и пошла рядом, крепко держа его за руку. Отдышаться уда-

лось не сразу. Нас сопровождало молчание. Разгоревшийся пожар не торопился утихать. Мне казалось, что я почти слышу, как он мысленно ругает себя.

Страстный поцелуй, срывающий звезды с небес, повторился и у дверей моей квартиры. Я хотела попросить его остаться, но не произнесла ни звука.

Пожалуйста, не уходи. Побудь со мной еще немного...

Нужно было только сказать. Но я молчала.

Он обнял меня, оторвал от земли и покружил. Я замерла от счастья, и мы вновь поцеловались, почти до боли переплетая пальцы в волосах друг друга. Его улыбка осветила меня в последний раз.

Он достал из кармана джинсов кассету, протянул мне и ушел.

Оказавшись дома, я сразу побежала к магнитофону и включила ее.

«Я записал эту музыку для тебя, – услышала я его голос из динамика. – Сейчас мы далеко друг от друга. Если тебе будет грустно, послушай её и вспомни обо мне. Наверное, я самый везучий человек на земле: мне посчастливилось встретить тебя. Ты изменила меня, сделала лучше, научила чувствовать. Спасибо тебе за это. Спасибо за всё. За это лето, за улыбки и за все слова. Когда я закрываю глаза, вижу твои безумные рыжие кудряшки, озорные веснушки и бездонные зеленые глаза. Мы обязательно встретимся. Совсем скоро. Только дождись. Любовь... она... стоит того, чтобы ждать.»

Прокрутила снова и снова. И снова. Пока не уснула.

Утром я обнаружила, что сестра записала на мою кассету песни своей любимой группы. Её не трогали мои слёзы. Она сделала это специально и была довольна собой. Но чего она не знала, так это то, что эти простые слова невозможно было стереть, они отпечатались в моем сердце.

Навсегда.

Мы с Мурзей явно не были готовы к ТАКОМУ.

Мне даже показалось, что пол под нами начинает вибрировать. Так нас трясло. Мурзя, по паспорту Мария Мурзеева, а для друзей просто Машка, попросила меня встать позади нее, чтобы подстраховать, если она вдруг соберется хлопнуться в обморок. Нам намекали, что такое случается часто, но мы, естественно, не верили.

На самом деле, когда всё началось, я пожалела, что не пристегнула себя к ней ремнем, ведь ноги подо мной начали предательски подкашиваться.

Молодая женщина, двадцати пяти лет отроду, второй час умоляла её пристрелить, только бы это закончилось. Жидкие волосы её впитали пот и свисали на плечи тонкими, склизкими сосульками. Огромная больничная ночнушка, больше напоминавшая белую палатку, имела глубокий вырез спереди и совершенно не прикрывала перезрелых как дыни грудей.

Мученицу, то есть роженицу, заставили забираться на странное приспособление, именовавшееся родильным столом, да еще прикрикивали, чтобы не садилась, а ложилась сразу на спину. Женщина пыхтела, стонала, но таки одолела эту высоту. Нашим глазам предстал её голый необъятный живот, тугой и гладкий, с пупком, напоминавшим арбузную

попку, только без хвостика.

Потом нас пригласили подойти поближе, и вот тут прекратились всяческие перешептывания. Девочки онемели, мальчишки, бледнея, начинали медленно скатываться под стол. Мы замерли, не дыша.

– Нормальный физиологический процесс! – хлопнул по плечу нашего однокурсника Максима подтянутый врач с пушистыми усами.

Максим продолжил, зеленея, таращить глаза. Его теперь мало утешали слова «нормальный» и «физиологический». Перед глазами разворачивалась устрашающая кровавая картина, в которой больше всего поражало несоответствие размеров органов, которые должны были исторгнуть из себя превышающего их самих по величине младенца.

Никто из нас не мог оторваться от действия, разворачивающегося между ног всхлипывающей и то и дело срывающейся на стоны женщины.

– Когда? – проскулила она.

– Что когда? – сонно произнесла акушерка.

– Когда мне тужиться? Вы мне скажете?

– Это ты нам скажешь, – рассмеялась другая, обрабатывая её промежность.

Женщина обреченно откинула голову и зажмурилась. По её лбу скатывались маленькие капельки пота.

Мне было не совсем понятно, почему никто не торопится её утешить. Отчего все были так спокойны, и когда врачи

успели стать такими безразличными к пациентам. Вероятно, в этом был и особый смысл: подержать за руку мог кто угодно из нас, а задача медиков состояла совсем в другом.

На первой потуге акушерки бросились старательно прижимать роженицу к столу. Она же, рыча и заламывая пальцы, поднимала таз от поверхности и всячески старалась им противодействовать.

Мурзя коснулась меня совершенно ледяной рукой. Я перехватила её взгляд, полный ужаса. Как только потуги отступали, женщина, тяжело дыша, умоляюще косилась на нас и скулила. Её жалобные стоны время от времени усиливались и заполняли собой всю палату, эхом отдаваясь в коридоре больницы.

Наконец, в руках женщины-врача блеснул скальпель. Осторожным движением она произвела надрез. На следующих потугах появилась головка.

– Первый пошел, – заметил усатый неонатолог, подталкивая совершенно белого, как мел, практиканта Костю Воропеева, к стулу.

Мальчишка плюхнулся на него, никак не реагируя на ватку с нашатырём.

Тело роженицы отчаянно напрягалось, пытаясь вытолкнуть из себя ребенка. Толстая акушерка разудало поставила руку между грудью и животом женщины, пытаясь нажатиями выдавливать его к выходу. Раздалось мучительное рычание, и нам показалось, что на лице мученицы полопались все

капилляры. Глаза её покраснели, из груди вырвался сдавленный хрип.

Я зажмурилась, но Мурзя тут же больно надавила на мои пальцы. Пришлось открывать глаза. Ребенка уже утащил уса-тый неонатолог. Женщина лежала в полубессознательном состоянии, с надрезанной промежностью, из которой сочи-лась кровь.

– Рано расслабилась, голубушка, – заметила остроносая врач, заняв удобную позицию между её ног и ощупывая жи-вот. – Сейчас будем рожать послед.

Я повернулась и оглядела совершенно ошеломленных од-ногруппников. Мы все напоминали взволнованных сурика-тов, в недоумении и растерянности таращившихся вокруг. Увиденное нас поразило и абсолютно никого не могло оста-вить равнодушным.

* * *

– Шикарно! Нет, ну, ты видела?

Мурзя растянулась на сидении, вытянув перед собой длиннющие ноги, обтянутые джинсами. Её тоненькая шуб-ка, едва достигающая до середины бедра, местами пообтерлась и выглядела немало побитой жизнью. Девушку это ни кап-ли не смущало. Она и в шубке-обдергайке и без нее была на редкость хорошенькой: смуглой, высокой, с аккуратными пухлыми губками и длинной черной косой.

Автобус тронулся, оставляя на остановке наших одноклассников. Ребята едва успели помахать нам руками, как их тут же поглотил очередной, неизвестно откуда налетевший, снежный вихрь. И за что нам этот адский холод ранней весной? Когда все живут предчувствием потепления?

Я села рядом и поставила сумку на колени. Все пассажиры выглядели жутко раздраженными длительным ожиданием автобуса в мороз. Подошедшая кондуктор, строго оглядев нас с головы до ног, проверила предъявленные ей проездные и с видом победителя удалилась.

Мурзя выдохнула на стекло и пальцем в пушистой перчатке нарисовала сердечко.

– О чем ты? – спросила я.

– О родах.

– И что в них шикарного?

– Ты тоже, как и парни, думаешь, что это было омерзительно?

Я опустила голову и взглянула на тоненький браслет часов на своей руке. Задерживаюсь уже на три часа. Как обидно! Серега должен был позвонить из общаги. Переживает, наверно. Ему редко удавалось воспользоваться тамошним телефоном, поэтому опоздание лишало меня и без того почти уникальной возможности поболтать с ним пять-десять минуточек.

– Думаю, это было... обычно.

Конечно, она мне не поверила! Мурзя кивнула и приглу-

шенно хихикнула. Нас всех потрясло это «обычное» действо.

– Считаю, что парням нужно показывать такое в обязательном порядке! В старших классах школы. – Она выдохнула на свои пальцы и потерла ладошки друг о друга, чтобы быстрее согреть руки. – Почему женщины должны заботиться о контрацепции? Они сунул-вынул и пошел, а нам вон как приходится мучиться!

– Мурзя, – прошептала я ей на ухо, – у тебя слишком толстая шапка. Ты себя не слышишь и потому так орешь, что на тебя весь автобус косится.

– А, может, я этого? Провожу ликвидацию безграмотности, а? – Она рассмеялась, поднимая шапку та, чтобы ухо оставалось открытым. – А что? Всё бесплатно, денег не беру! Просвещайтесь на здоровье!

– Если молоденьким мальчишкам показывать роды, они еще надолго останутся девственниками.

– Это ли не хорошо? – не унималась подруга. – Меньше абортов!

– Не знаю. Может, мужчин стоит оберегать от такого зрелища...

Она толкнула меня в бок с такой силой, что я чуть не вылетела в проход.

– Ты теперь тоже боишься рожать?

– Да, – призналась я, возвращая задницу на сидение.

– А я нет!

Автобус остановился, чтобы принять через открывшуюся дверь новых пассажиров. Мы замолчали, думая каждый о своем. Я сгибала и разгибала заledenевшие пальцы ног, надеясь на скорый прилив крови к этой части тела. Пожалуй, стоило бы надеть валенки в такую погоду. Интересно, чем там занимается Серега? Сильно злится на меня? Переживает ли?

В открытую дверь влетало чересчур много морозного воздуха. Все сидевшие в нетерпении постукивали ногами и дрожали.

– Думаешь, ей было сильно больно? – наклонившись ко мне, спросила Машка.

– Она так потела...

– А еще эти глаза её безумные! – Мурзеева изобразила подобие ожившей мумии с кривым разъявленным ртом. – Так и лезли из орбит. А-а-а! Жуть!

– А Максиму так вообще, вроде всё понравилось. Ну, пожелтел, побледнел. Ерунда же!

Мы захохотали в голос. Пассажиры не упустили случая обернуться и одарить нас гневным взглядом.

– А помнишь, как она вопила? – Пряча лицо в ладонях, прошептала Мурзя. – Отрежьте мне руку, ногу, но только прекратите это!

– Я вот смотрю на тебя, – шепнула я ей на ухо, – и думаю, что если ты будешь меньше ржать, то, пожалуй, станешь хорошим медиком.

Она выпрямилась и поправила шапку. Строгая тетка-кондуктор продолжала неотрывно пялиться в нашу сторону.

– Неужели, тебе не смешно?

– И да, и нет.

Машка наградила меня очередным толчком.

– Зануда!

– Ты уже думала, что будет, когда ты закончишь учагу?

Мурзеева поерзала на сидении, разглядывая нарисованное на стекле сердечко, быстро исчезающее и обрастающее льдом.

– Я хотела бы делать что-то полезное. Вполне можно попробовать стать акушером.

Мне вдруг захотелось встать и пробежаться по салону, чтобы оледеневший дерматин, которым было обтянуто сидение, перестал морозить мне зад. Как раз в этот момент автобус подбросило на кочке.

– Иногда я спрашиваю себя, это ли наш потолок? – Я протянула руку и крепко ухватила за поручень. – Мы еще молодые. Можно поступить в университет и сделать хорошую карьеру. Хирурга, например.

– Далеко ты мыслишь! Мне бы найти квартирку да свалить, а то предки скоро намертво запилят. Работать, жить. Тусоваться!

– Маш, ты чего? – Мне искренне была непонятна её позиция. – Устроишься ты работать в процедурку и всю жизнь за три копейки будешь уколы впендюривать!

Мурзя рассмеялась, пряча замерзший нос в воротник шубы.

– Хорошо! А то лучше ведь врачом за три копейки!

– Я тебя знаю, ты девчонка умная, способная. Как ты будешь жить с мыслью о том, что не реализовала всех своих возможностей? Всю жизнь выносить судна это благородно. Но не благодарно. А ты схватываешь всё на лету, ты мыслишь! Ты лучше всех в нашей группе. Неужели у тебя нет мечты?

– Не знаю. Я вообще на такие темы никогда не задумывалась! Мне бы придумать, как отметить совершеннолетие, вот это да. Это вопрос! Пиво, водка? Водка, пиво?

– Спирт! – Я отпустила поручень и уставилась на нее. – Маш, давай придумаем тебе мечту.

– Ну, давай, – согласилась она, закатывая глаза.

– Ты бы могла стать крутым педиатром-неонатологом. Как тебе?

– Почему именно им?

– Ты внимательная, добрая, уверенная в своих силах.

– Я такая.

– И еще ты любишь головоломки и всегда во всем докапываешься до сути. Взять, к примеру, новорожденного. Кожа ребенка розовая, он дышит самостоятельно, задорно кричит, активно сопротивляется при осмотре. Ты знаешь его анамнез, риски, предполагаешь, чего ожидать. Но скрытые проблемы, о которых он не в состоянии тебе сообщить, это

ли не те загадки, которые ты любишь разгадывать?

– Допустим. Ты меня сейчас зовешь на вышку что ли? Это же еще, черт знает сколько, лет геморроя!

– Это же так интересно. Я приглашаю тебя в это приключение! Бросаю вызов!

– Марь, а как же мама?

Мне стало стыдно, что в моей голове до сих пор не было готового решения для данной проблемы.

– Что-нибудь придумаем...

– Тогда, пожалуй, я принимаю вызов! Перед тобой будущий великий кардиолог страны!

– Кардиолог?

– Он самый! – Мурзя забавно потрясла головой, дурачась, и снова резко толкнула меня в бок. – Наша остановка! Бежим!

Звонко смеясь, толкаясь и обгоняя друг друга, мы вывалились из дверей автобуса прямо на обжигающий ноздри морозный воздух. Мурзя всю дорогу катилась на сапогах, как на лыжах, падала и хохотала, пока я пыталась её поднять. Вставая, она валилась в ближайший сугроб, возвещая на всю улицу о том, что она – подводная лодка «Малютка», которая совершает погружение.

Вряд ли кто из прохожих мог хотя бы на секунду поверить, что две полоумные девицы, и правда, станут врачами, которые будут спасать жизни людей. Вряд ли вообще кто-то мог верить в то, что из подобных девиц могли бы получиться

порядочные люди.

А мы, вот, верили.

– Мам! Мам! – воскликнула я, отряхивая снег с куртки.

Мне хотелось скорее сообщить ей о своем решении, обсудить планы и возможные трудности, связанные с нашим будущим переездом в город. В квартире было странно тихо. Я быстро скинула сапоги и, не снимая куртки, прошла в комнату.

– Тетя Галя? – удивилась я, увидев соседку, сидящую на диване.

В её руках был зажат носовой платок. Пожилую женщину слегка потряхивало. От страшных мыслей, лезущих в голову, у меня моментально похолодела спина.

– Теть Галь, а где мама? – тихо спросила я.

– Деточка, – прикрывая рот платком, всхлипнула она. – Ты присядь.

Я оглянулась вокруг. Маминой коляски нигде не было. На столе рядом с таблетками от давления лежали мамины очки и не тронутый набор для вышивания крючком.

– Не буду я садиться! Где мама? Теть Галь!

Мой голос разлетелся по комнате, словно тысячи осколков, и, натолкнувшись на стены, растворился в пустоте.

– Я приходила в обед. – Женщина промокнула платком глаза и уставилась в пол. – У нее просто болела голова. Голова.

– Где она? – Я поняла, что кричу. – Где мама?!

– Инсульт, – единственное, что смогла произнести соседка перед тем, как бессильно разрыдаться.

Это всё плохо. Очень и очень плохо.

Я бежала по скользкому льду и знала, что не упаду. Мои ноги словно летели над землей. Шарф и шапка остались дома, но мороз совершенно не чувствовался. Даже наоборот. Ладони горели, лоб пылал.

Лучше бы она мне ничего не рассказывала. Пена изо рта, широкий зрачок, свисающий угол рта... Одно перечисление симптомов из уст соседки звучало, как приговор. Я не могла знать наверняка, только догадывалась, что всё обстоит намного хуже, чем просто ужасно.

Я долго обивала пороги всевозможных кабинетов. Они подтвердили, что мама находится у них. В реанимации. И указали мне на холодную, кривую кушетку в углу.

Ждать.

Как можно было это делать, когда она там борется со смертью? Все вокруг ходили отстраненные и бесстрастные. Каждый, кому я успевала задать вопрос, призывал меня успокоиться и присесть. Сколько можно сидеть?

Я упала на кушетку и принялась считать свои вдохи. Смешно, но их количество всегда равнялось количеству выдохов. Так просто. Почему всё в жизни не может быть таким простым и естественным?

Это я виновата...

Если бы я пришла раньше, всё бы обошлось. Она упала и лежала там одна, пока её не нашли. Драгоценные минуты были потеряны. Только моя вина.

Мамочка, давай выкарабкивайся.

Родная, любимая, ты мне так нужна.

Я всё брошу, не поеду ни в какой город. Буду всегда с тобой. Нам всегда было интересно и весело вдвоем. Зачем мне эти глупые мечты, если тебя не будет рядом?

Часы под потолком, издеваясь, строили мне гадкие рожи. Стрелка медленно и нерешительно перемещалась по кругу, разрезая циферблат на тонкие ломти. Всё постороннее стерлось в сознании.

Зачем им эти белые халаты? Чтобы прятать под ними свое равнодушие? Бегите, шевелитесь, делайте, спасайте! Сонные мухи! Чему Вас только учат в ваших институтах? А, да, как убивать и не нести за это ответственность.

– Что с моей мамой?! – я по привычке бросилась к первому же вышедшему из палаты.

– Ожидайте, – не взглянув в мою сторону, бросил он и скрылся за поворотом.

Вновь уронила тело на твердую кушетку. Скрипнул кафель. Губы уже искромсаны в кровь. Я все выдержу, буду нести свой крест столько, сколько понадобится. С великой благодарностью. Лишь бы она только осталась жива.

– Всё хорошо, – сказала мама и, опустившись на колени, села рядом.

Я взмахнула руками и радостно бросилась ей на шею.

– Но они сказали, что ты...

– Какая ерунда. – Она подняла руки и крепко обняла меня. – Видишь, я с тобой. Со мной всё в порядке.

Я почувствовала, как она гладит меня по спине и закрыла глаза. Мне стало тепло и хорошо. Слава Богу, всё обошлось. Роднее её объятий, не было ничего на свете. Мы вместе, не хватало только Анютки. Нужно скорее дозвониться до нее.

– Что с тобой было? – спросила я, оторвавшись и заглянув в ее глаза.

– Закружилась голова, – улыбнулась мама и убрала мои разметавшиеся волосы за плечи.

Я смотрела на нее и не верила своим глазам. Такая красивая, молодая, со светлыми глазами, аккуратным, вздернутым носом и тугой рыжей косой.

– Никогда меня не пугай так больше, – попросила я и поцеловала её руку.

Мамины ладони пахли свежей выпечкой. Я сразу вспомнила вкус хлеба, который она сама пекла нам. Ароматная хрустящая корочка, душистая теплая мякоть. От одного только запаха все вокруг делалось добрее.

Я положила голову ей на колени и почувствовала легкое поглаживание. Как в детстве, когда мы с сестрой не могли уснуть. Она пела колыбельную, тихо, вполголоса, мы закрывали глаза и слушали.

Хорошо, что всё позади. Мама, молча, перебирала мои во-

лосы, и я радовалась, что всё позади.

И этот прибрежный песок, прохладный и тяжелый, так уютно хрустел под ногами, пока она неспешно шла возле кромки воды. В её походке было столько грации, и платье так красиво развевалось на ветру, растворяясь в лучах заходящего солнца, что я почувствовала гордость. Какая прекрасная женщина дала мне жизнь! Ах, если бы можно было хотя бы самую малость походить на нее. Хотя бы на половину быть столь же прекрасной!

Из-за ветра шумели сосны, волны ударялись о берег у самых ее ног. Она ступала по мокрому песку под неведомую музыку, мелодичную и почти божественную. Оглянувшись, мама посмотрела на меня с теплой улыбкой, и я рассмеялась. Нет, ну правда, и как я могла подумать о плохом?

Она взяла подол платья в руки и игриво, словно девчонка, запустила вытянутый носочек ноги в воду. Поболтала им и вдруг побежала, создавая сотни брызг. Её залиvistый смех плыл по волнам, эхом отдаваясь в моей голове.

Река мерцала, отражая кусочки света. Деревья, стоявшие в отдалении, выпрямились и потянулись к небу, распахнувшему вдруг свои объятия. Мне захотелось встать и побежать за мамой. Тоже стать прекрасной русалкой на фоне заката. Господи, как хорошо. Как тихо. Как же хочется летать!

– Девушка, – меня вдруг отвлек тихий голос.

– Она больше суток здесь вот так, – прошептал другой.

Они определенно не собираются уходить. Я ворочаюсь, не

желая открывать глаза. Наконец, принимая неизбежное, распахиваю веки, точно ворота в собственную душу.

— Нам очень жаль, — с виноватым видом произносит мужчина в белой шапочке на голове.

Я смотрю и вижу в глубине его глаз, что он, и правда, очень сожалеет.

* * *

Её не было.

Так странно. Я спешила домой, зная, что открою дверь и увижу маму. Она покажется в дверях кухни, сделает пару замечаний с серьезным лицом и неизменно улыбнется. Можно будет сделать всего один шаг и очутиться в ее крепких объятиях.

Но её не было. Неужели мне теперь придется с этим смириться?

Жить.

Как? Зачем? Стоит ли?

Дома стояла оглушительная тишина. Такая звонкая, пронзительная, разрастающаяся и достигающая безумного крещендо.

Я упала в кресло, словно от удара по голове. Часы на столе отбивали время. Медленно, торжественно, ритмично. От этого звука веяло страхом.

Где взять силы, чтобы пережить это?

Я вздохнула так, словно сдерживала дыхание почти восемнадцать лет. Наверное, всё случилось из-за того, что мысли в моей голове выстраивались неправильно. Мама мешала, она была единственной причиной, по которой я не могу уехать учиться. И, возможно, именно эти мысли накликали беду.

Мне же очень хотелось, чтобы мои мечты исполнились? Теперь препятствий нет. Можно уехать. Самое время порадоваться. Ура!

По моим щекам громадным потоком полились соленые слезы.

Она умерла. Её больше не будет. Что бы ты ни сделала, уже ничего не изменить. И это так больно.

Мамины очки и набор для вышивания по-прежнему лежали на столе нетронутыми. Телефон молчал. Я закрыла глаза и сжала кулаки почти до треска в костяшках пальцев. Нужно позвонить Ане. Как сказать ей? Как вообще можно сообщать такие вещи?!

Это просто убьет её. Психологи могут говорить всё, что угодно. И про конкуренцию братьев-сестер и про вину в этом родителей. Но все меркнет пред лицом смерти. Кто, как ни сестра, поймет меня? Кто еще сможет разделить эту боль, наполнить собой эту пустую комнату? У нас всё еще есть шанс забыть старые обиды, ведь роднее друг друга нет никого на свете.

Я дрожащими руками набрала номер общежития и попро-

сила найти Аню. Через пять минут мне сообщили, что не могут найти её. Трубка бессильно упала на рычаг. Ну, почему все вдруг решили оставить меня наедине с моим горем? За что?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.